

# Летаргия. Уставший мир

**Автор:**

Павел Волчик

Летаргия. Уставший мир

Павел Владимирович Волчик

Представьте мир, где кофе больше не будит. Где сон больше не приносит отдыха. Где процент заряда человеческого аккумулятора стремится к нулю. Мы начнём совершать ошибки. Мы перестанем замечать, как ошибаемся. Её Величество Усталость пройдёт по планете невидимой тенью, коснувшись каждого. Многих она усыпит. И это начало катастрофы. Но останутся те, кто попытается ей помешать: не самые умные, не самые сильные, не самые выносливые – те, кто и так привык уставать. На них вся надежда. Только они не спят в городе, где царствует Летаргия. "Летаргия. Уставший мир" – первая книга трёхтомного цикла. Продолжение в книгах "Летаргия. Уснувший мир" и "Летаргия. Пробуждение". Роман "Летаргия. Уставший мир" победила в литературной премии "Экранизация-2022" и входит в лонг-лист премии "Электронная буква 2022".

Павел Волчик

Летаргия. Уставший мир

Я говорю спасибо первопроходцам! Первым читателям, которые помогли сделать эту рукопись лучше:

Олеся Штапаук, Ирина Колесинска, Светлана Журавлева, Голубицкая Анна, Татьяна Еременко, Екатерина Иванова, Надежда Пушкина, Екатерина Тремасова, Юлия Метёлкина, Дарья Савёлова, Светлана Каргина, Александр Каргин, Рейн Альбрехт – спасибо вам!

А также каждому, кто захочет к ним присоединиться.

Самый будничный и серый

Четвёртого октября 2021 года на пересечении Невского проспекта и набережной Фонтанки разносчик пиццы Тимофей Грибков упал с самоката в восьмой раз и сломал ключицу. Его ярко-жёлтый плащ порвался, а громоздкий рюкзак, набитый остывшей едой, плюхнулся в лужу.

В двух кварталах от него доставщица еды в зелёном плаще Алина Молокова дважды ошиблась адресом и когда, наконец, донесла сэндвич с тунцом озверевшей от голода многодетной матери, выяснила, что та заказывала цыплёнка с картошкой.

Неподалёку от них Михаил Боков, продавец из магазина сотовой связи, в седьмой раз приклеивая защитную плёнку на экран смартфона, грязно выругался перед клиенткой, после чего швырнул чужой телефон об пол и закричал, что увольняется. А хозяйка телефона – директор школы, тучная женщина с могучими руками и громовым голосом, неожиданно для себя расплакалась.

Двумя этажами выше Ирина Кёртис, инструктор по йоге для домохозяек, уснула под медитативную музыку в Шавасане, или, как ещё говорят, позе трупа. Проснулась она через десять минут, бережно укрытая спортивной курткой, в тот момент, когда вся группа на цыпочках покидала зал.

В подпольную фирму по производству биологически активной добавки к пище «СуперЭнергия» позвонило такое несметное количество пенсионеров, что оператор вынужден был отключить телефон. У сотрудницы фирмы Ольги Докучаевой так разболелась голова, что ей пришлось выйти в аптеку. Очнувшись от собственных мыслей, Ольга поняла, что едет куда-то на троллейбусе. Куда? Если аптека находится за углом...

Четвёртое октября было самым будничным и серым из всех будничных и серых дней. Обычный холодный понедельник. Город, на первый взгляд, жил своей

обыкновенной жизнью. Пешеходы перебегали дорогу на красный, машины им гудели. Дрожащие на ветру зазывалы с табличками приглашали туристов на экскурсии по рекам и каналам Петербурга. Взрослые курили – дети вдыхали; голуби попрошайничали, коты лазали по помойкам.

В этот день в мире не случилось ни большой аварии, ни маленького праздника вроде изготовления в альпийской деревеньке гигантского бутерброда и его поедания. Такие дни легко забываются, никого не волнуют и не тревожат. И всё-таки нашлись те, кто почувствовал неладное. Сладкое пирожное показалось им кислым, небо поблёлшим, а в теле чувствовалась непривычная тяжесть... Обычный мир сдвинулся. Великий баланс нарушен. Но попробуй заметить это в мелочах!

Одним из таких людей был Тымнэвакат, житель Крайнего Севера. Утром он с большим трудом выгнал оленей из загона, впряг их в сани. Но животные так и не сдвинулись с места, несмотря на уговоры и угрозы.

Заметила неладное и хозяйка салона «Бэлла» – одного из лучших салонов красоты. Все семь клиентов, записавшихся на стрижку, маникюр и шугаринг, в тот день не пришли и даже не сообщили об отмене.

В Петербургском университете странный господин с закрученными усами, читавший лекцию по прикладной экологии, отметил парадоксальный факт: чайки, которых он увидел из окна, не взлетели, когда петропавловская пушка по традиции шарахнула в двенадцать!

Пока преподаватель глазел в окно и молчал, вызывая недоумение аудитории, Кира, опоздавшая студентка, попыталась незаметно для доцента пробраться на пустое место. Удивительно, но ей это удалось, несмотря на ярко-рыжие волосы, высокий рост и каблуки.

На вопросы подруг Кира ответила, что никак не могла разбудить отца – человека, который за тридцать лет ни разу не опоздал на завод. Глядя на помятые и сонные физиономии своих однокурсников и размышляя над событиями этого странного утра, Кира написала в соцсетях следующее сообщение: «Эй, народ, сегодня я опоздала на лекцию и вообще всё из рук валится! А как у вас?»

После этого она перевела смартфон в режим полёта, потому что лекция продолжалась, а Кира была той редкой студенткой, которой нравилось учиться. Только поздним вечером она вспомнила про сообщение и снова заглянула в соцсети. Колонку штормило от историй, рассказов и случаев, произошедших четвёртого октября.

Вот некоторые из них.

koroleva\_margo: задремала в метро на плече незнакомого человека! Он понимающе посмотрел на меня и вышел на своей остановке.

brig-krik87: я открыл пакет замороженных овощей и вместо сковороды высыпал их в мусорку :))

Macrofag: ехал с одной работы на другую. И вроде бы всё хорошо, но задумался и приехал домой. В итоге пришлось делать круг и снова ехать на работу!

darinka\_mandarinka: сегодня у нас в гостях был дядя, он угощал себя сам: взял чайник и налил кипятка в банку с растворимым кофе вместо кружки :(

biohimik2314: А у меня был прикол! Вышла из лаборатории и только в очереди на кассу супермаркета заметила, что стою в белом дырявом халате. Прикиньте?

enot\_enotu4: короче, ждал электричку и зашёл погреться на станцию, задумался и тупо смотрел, как уезжает поезд, мой поезд – последний по расписанию!

Barmaleiha: долго прикладывала к лифту карточку от метро, пока не поняла, что нужно нажать на кнопку.

Kydriahka\_Siy: ...муж взял меня на шопинг поздно вечером, развеяться. Я о чём-то задумалась и вышла из раздевалки как есть, без одежды...

Dina\_zavr: А я сёня почистила зубы детским кремом вместо пасты. Гадость такая!

Kyrakins78: облазил весь дом в поисках учебника. Нашёл его в холодильнике. Нужная страница была заложена вилкой.

Всё это читалось так весело и легко. Но, кажется, никто, кроме Киры, не заметил, что этих историй чересчур много для одного дня.

Были и ещё люди, вовремя почувствовавшие катастрофу. Одни – работая с пациентами, другие – наблюдая за собственными детьми, третьи – обслуживая посетителей городской кофейни.

Никто, однако, не обеспокоился так сильно, как случайная троица, видевшая один и тот же сон одновременно в трёх разных местах.

Астроному из Пулковской обсерватории, монаху из отдалённого северного монастыря и космонавту на орбите снилось в ту ночь Нечто.

Вернее, как говорят в народе, они видели «чужой сон», то есть каждый из них побывал в шкуре этого Нечто.

Оно было сонным и ленивым. Оно не хотело никуда лететь.

В черноте скучно. Огоньки подмигивали ему, крохотные, ледяные, – они зря разжигали аппетит.

Межзвёздный ветер проникал под оболочку, сбивал с пути.

Сквозь пространство просочилось слабое тепло. Свет звезды усилился. Пора просыпаться. Пора...

Оно проснулось.

Гигантское, бесформенное. По прозрачным складкам пробежала дрожь.

Радужная мозаика весело засверкала, ощущая покалывание лучей. Любопытная линза, слезясь, уставилась вдаль, пытаясь разглядеть крохотные планеты, намазанные по краям солнечным маслом.

Новая звезда! Так близко?

Оно раздулось, потом сжалось в комок; захлюпало песню, которую сочинило где-то у созвездия Душистого Эллипса.

Большой кусок слизи оторвался от складки мембраны – Нечто принялось играть с ним.

Наигравшись, Оно разогналось.

Скользить по лучам куда веселее, чем тащиться по рыхлой темноте.

С какой-то планеты донёсся странный запах. Живое. Там есть живое.

Значит, Нечто должно отправиться туда...

Проснулся монах в своей крохотной келье...

Проснулся астроном на мокрых от пота простынях...

Проснулся космонавт далеко-далеко от Земли...

## Предчувствие

Жилин с трудом открыл воспалённые глаза. В голове выл ветер.

Сначала он подумал, что вернулась гравитация: конечности налились тяжестью, а сердце ухало так, словно доживало последние дни.

Капитан даже успел испугаться, что космическая станция каким-то образом сошла с орбиты, вошла в атмосферу и теперь несётся в смертельные объятия Земли.

Он заставил себя протянуть руку, и шторка на иллюминаторе сдвинулась вверх. Свет озарил крохотную каюту, в которой он спал, пристёгнутый ремнями безопасности.

Жилин увидел знакомый пейзаж: поверхность голубого шара, облепленного белой ватой облаков, огромный блик рассветного солнца, отражающегося в зеркале океана, край энергетического модуля с батареями, частично загораживающий прекрасный вид.

Всё на своих местах. Они с экипажем никуда не падают.

Никаких перегрузок – тем более странной казалась эта утренняя усталость. Ровно неделю назад он отметил с командой своё сорокалетие, и по этому поводу с Земли заранее доставили сублимированные тортики. Но хотя капитан и разменял пятый десяток, чувствовал он себя гораздо моложе и верить в то, что это возрастные изменения, не желал.

Накануне он специально ввёл ранний отбой, чтобы экипаж мог выспаться, а в рацион велел добавить больше продуктов с содержанием витаминов и полезных микроэлементов. Умеренные физические тренировки и так были обязательной частью жизни космонавтов на борту. И никто в экипаже не пропускал их, зная, как тяжело бывает вернуться домой после невесомости.

Уже неделю космонавты чувствовали необыкновенный упадок сил. Некоторые тщательно скрывали это, но капитан замечал и медлительность, и рассеянность, и зевки в руку, и круги под глазами.

Сначала Жилин решил, что члены экипажа просто-напросто нарушают распорядок дня. Кому не хочется лишний час пообщаться с семьёй или посмотреть новый блокбастер в личной каюте? В глубине космоса, когда от смертельного холода, вакуума и темноты тебя отделяют только стены корабля, тоска по дому особенно сильна, страх и одиночество чувствуют даже крепкие люди.

Однако версия о нарушении распорядка оказалась неверной. Скоро команда сама обратилась к нему с просьбой увеличить продолжительность сна: все были вымотаны донельзя. Он дал добро.

Капитан потёр ладонями лицо в тщетной попытке проснуться. Нужно отправить доклад на Землю. Как же не хочется...

Он попробовал себя развеселить. Вспомнил китаянку Джи Мэй, единственную женщину на борту. Каждый раз она умудрялась произнести его имя – Константин – на разный манер. «Косятинин», «Касатин», «Котятин». Ещё её смешит русская речь, особенно слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Джи – единственная, кого усталость, кажется, не коснулась. Смех у неё заразительный: брови взлетают вверх и на глазах выступают слёзы. Когда хохочет, она машет руками в невесомости, как колибри крылышками. На борту шутят, что благодаря Джи Мэй на станции всегда хорошо с притоком свежего воздуха.

Капитан вспомнил, как однажды главный механик забыл пристегнуться ремнями во время сна и проснулся в другом конце корабля, в лаборатории среди растений. Настроение немного улучшилось.

В последнее время юмор – нечастый гость на корабле. Люди работают неохотно, исследования не вызывают прежнего энтузиазма.

Жилин был лётчиком-испытателем. Он знал, что такое перегрузки и утомление. Но природа новой странной усталости была для него непонятна, так как не

имела явных причин.

Режим и порядок – вот что позволит выжить даже в самых необычных обстоятельствах! Поэтому Жилин собрал волю в кулак, потрянул головой и отстегнул ремень безопасности. Пора начинать новый день!

Стараясь не замечать шума в голове, капитан проплыл в соседний отсек. Там он с усердием начал работу на силовом тренажёре. Зашипели гидравлические поршни, ожили и засверкали металлические рычаги. На время телесная слабость отступила, кровь прилила к щекам, и он почувствовал, как каждая мышца его тела просыпается.

Сработал таймер. Капитан часто превышал рекомендуемое время тренировки, но не сегодня: организм и так вёл себя непредсказуемо.

Жилин тщательно растёр тело влажным полотенцем. Нанёс на голову специальный шампунь, который не нужно смывать. Привычным осторожным движением выдавил из пакета каплю воды, намочил зубную щётку, добавил пасты и принялся чистить зубы. Затем побрился, испытав даже некоторое удовольствие.

Напоследок капитан взглянул в зеркало. Там на мгновение возникло грубое лицо со смеющимися глазами. Густая щётка аккуратно подстриженных усов выглядела несколько старомодно. Но у Жилина с детства была маленькая мечта – иметь усы как у отца, – и расставаться с ними не хотелось.

Когда с гигиеническими процедурами было покончено, он ощутил, что усталость несколько отступила и напоминала о себе только пульсирующей точкой в области затылка. Капитан, прибодрившись, отправился в кухонный отсек, где обычно завтракал экипаж. Из всей команды на месте была только Джи Мэй.

Джи парила в невесомости, доставала из стенной панели чемоданчики с обезвоженной пищей и колдовала над завтраком. Смотреть, как ловко это у неё получается, всегда было особенным удовольствием для капитана.

– Good morning! – Жилин оттолкнулся от дверной ручки, проплыл в небольшую кухню и добавил уже на смеси русского с английским: – Are you looking for творожок again?[1 - Доброе утро. Опять ищите творожок? (Здесь и далее

перевод автора.))]

Джи Мэй повернулась, и капитан заметил, что взгляд у неё задумчивый, напряжённый. Но всего через секунду она стала прежней – улыбка озарила лунообразное лицо, возле глаз заиграли весёлые морщинки.

– Hi, cap! If you eat my tea tree mushrooms for breakfast, I might consider trying tvorozhok[2 - Привет, капитан. Если вы позавтракаете моими острыми грибочками, возможно, я попробую творожок.].

Для Джи Мэй сублимированный творог, который капитан ел на завтрак, заливая его водой, казался жуткой субстанцией белого цвета, и она наотрез отказалась питаться этим. А вот Жилин как-то пробовал её китайский гриб – ничего, есть можно. Только желательно не на завтрак.

Китаянка ловко работала маленьким перочинным ножом, нарезаая гриб. Жилин хотел пошутить ещё как-нибудь, но из динамика вдруг донеслись короткие сигналы – Земля запрашивала связь. Капитан неохотно направился к себе в каюту, чтобы отправить отчёт. В животе заурчало.

В рубке он включил радиосвязь.

– Земля, приём. Сегодня 4 октября 2021 года. Говорит капитан корабля, Жилин.

– Доброе утро, капитан.

– Доброе утро.

– Сообщите, пожалуйста, улучшилось ли состояние экипажа?

– Состояние экипажа прежнее, – ответил Жилин, – есть слабость, общее недомогание.

– Как с... (Помехи.)

– Не понял. Повторите.

– Как сами, капитан?

– Сам? Головная боль. Сонливость. Всё никак не могу полностью восстановиться.

(Молчание.)

– Наш врач спрашивает: помимо временного утомления команды, есть ли ещё какие-нибудь конкретные медицинские показатели ухудшения здоровья, странные симптомы?

Жилин почувствовал лёгкое раздражение. Конечно, в его обязанности входила отправка регулярных сообщений обо всех происшествиях на борту, но он долго думал, стоит ли рассказывать о странной, непроходящей усталости у членов экипажа – стоит ли вообще обращать на неё внимание. Последние недели показали, что стоит. Но теперь капитан жалел, что сообщил об этом. Одна формулировка «временное утомление» говорит, что к его посланию не отнеслись серьёзно.

Он вздохнул и ответил:

– Других симптомов нет.

– Головокружение, длительная мигрень, потеря аппетита и массы тела, рвота, мышечная слабость, тремор конечностей, повышение температуры тела, пространственные иллюзии?

– Нет. Члены экипажа, в общем-то, здоровы. Сегодня будет проведён повторный осмотр.

– Синдром космической адаптации возможен? – прозвучал вопрос с Земли.

– Сомневаюсь. Слишком много времени прошло. Космонавты находятся здесь больше двух месяцев. Да и экипаж опытный...

Возникла долгая пауза, затем Жилину задали новый вопрос:

– Психическое состояние группы в норме?

– Кажется, да.

– Кажется, капитан?

– Снижены рабочая и исследовательская мотивации, мы чуть меньше общаемся. Прежде всего по причинам, которые я уже называл. Но психических отклонений не было и нет.

– Проверили возможность утечки реактивов? Вентиляционную систему?

– Дважды. Утечки не обнаружено. Вентиляция работает исправно.

Снова пауза. Когда ты далеко от Земли, паузы очень напрягают.

– Капитан, доктор сообщил, что причин для беспокойства нет. Однако эту проблему мы обсудим за круглым столом и постараемся найти решение. Продолжайте работу.

– Вас понял, – ответил Жилин, а сам подумал: «Будем продолжать, что же нам остаётся?»

Ему снова стало тоскливо, и он решил связаться с женой и дочкой. Для этого он не стал использовать специальный канал и воспользовался обычной программой для видеоконференций по сети. Тёмный экран включился, и возникло изображение. Первое что он увидел – знакомый узор на обоях. Дом, за тысячи километров от него, такой далёкий и родной. Тоска... Хоть падай метеоритом, пробивай озоновый слой и проходи сквозь атмосферу.

Лицо жены, подсвеченное синим экраном, выглядело сонным. Дочь ушла с няней на прогулку, и Жилин почувствовал укол совести, потому что девочка всегда с нетерпением ждала свидания с ним и вот сегодня они снова не пообщаются. Даже при всей романтике его профессии сложно объяснить ребёнку, почему папы так долго нет дома.

Они поговорили немного. Так было условлено – говорить о том, куда они поедут после его возвращения на Землю. Говорить о настоящем было тяжело.

Когда Жилин направился в сторону кухонного отсека, усталость вновь навалилась на него холодной влажной медузой.

На завтрак, к его удивлению, так никто больше и не явился. Джи Мэй всё ещё была тут – капитан видел её миниатюрную фигуру и затылок, подстриженный как у мальчишки. Девушка застыла и, не отрываясь, глядела в маленький иллюминатор – тёмный зловещий глазок Вселенной. В одной руке она держала перочинный нож, а другой придерживала накрытую крышкой миску, в которой лежал недорезанный гриб.

– Ji, is everything ok?[3 - Джи, всё в порядке?] – спросил капитан.

Китаянка вздрогнула от неожиданности.

Неудачно дёрнула рукой и полоснула себя лезвием по пальцу.

– Ooh... Ji!

Миска перевернулась. Тонкие грибные ломтики поплыли в невесомости, а за ними поднялась едва заметная капелька крови, переливаясь, как рубиновая ртуть.

– Do you feel this, captain?[4 - Вы чувствуете это, капитан?] – она была бледна и серьёзна.

– Feel what?[5 - Что чувствую?] – спросил Жилин.

Но Джи не ответила – будто не замечая, что порезалась, она снова уставилась в чёрный, мерцающий холодными звёздами кружок.

И тогда капитану всего на мгновение показалось, что оттуда, из пучин космоса, кто-то наблюдает за ними.

## Кофейня «Письма»

С реки Фонтанки дул пронизывающий до костей северо-восточный ветер.

Однако переулок, в котором располагалась кофейня «Письма», был расположен так, что потоки холодного воздуха сюда не проникали. С набережной приятно было свернуть в этот уютный уголок. Но по-видимому, такое желание возникало только у хозяев кофейни и их немногочисленных друзей, потому что случайные люди заходили сюда редко. Возможно, спешили по своим делам или их внимание привлекали другие кофейни, которых в Петербурге так же много, как оспин у больного ветрянкой.

В начале недели посетителей было особенно мало. В пятницу можно было рассчитывать хоть на какие-то крохи, но до неё была ещё целая жизнь.

Роман Вешников стоял за стойкой бара и, как это часто бывало по утрам, размышлял о своей нелёгкой судьбе.

История его жизни могла бы стать отличной основой для сценария комедийного сериала.

Учёный, который много лет посвятил изучению расстройств сна, сомнолог, пытавшийся защитить диссертацию на тему «Влияние напитков, содержащих кофеин, на образы в сновидениях», стал бариста и готовит кофе для посетителей. Правда, очень хороший кофе.

Сам он не выпивал больше одной чашки в день. Во-первых, кофе дорого стоил, а дела у них с женой шли не самым лучшим образом. Во-вторых, у него и так со сном в последнее время беда: появилось обыкновение просыпаться посреди ночи и пялиться в тёмный потолок. Это была ещё одна пощёчина – специалист по сну не может сам заснуть. Ха-ха-ха!

К грустным мыслям примешивались и другие.

В огромном городе он так и не нашёл себе подходящую работу. Пометавшись по научным институтам и клиникам, Вешников вынужден был признать, что у него

очень любопытная специальность, но должности, которые ему предлагались, были страшно скучны. Оборудование и лаборатории, в которых он мог бы проводить свои исследования, в Петербурге отсутствовали. А ему дорог был этот город, и он не хотел из него уезжать.

Вешников не мог заниматься тем, что по-настоящему любил. И ему так и не удалось смириться со своей невостребованностью.

Как не мог смириться и с тем, что в семейном бизнесе деньги на кофейню нашла его жена, а не он.

Ева терпела его капризы все эти годы. Метания от работы к работе, безденежье, приступы уныния. Кроме того, именно она отыскала это местечко, которое они арендовали, – бывшее помещение почты. Даже название пришло на ум ей первой – «Письма». День за днём она делала это место, пахнущее обёрточной бумагой и фанерой, более уютным, чтобы редкие посетители, приходящие сюда, почувствовали себя дома. Волшебством, присущим только женщинам, Ева понемногу превращала кофейню, похожую на тысячи других, в особенную, запоминающуюся.

На стенах уже висели картины неизвестных художников, на полках стояли потёртые книги, пережившие возраст своих авторов. Занавески, подушки, лампы, вазочки с цветами – каждый предмет хранил тепло её рук.

Незаметно работа в кофейне стала для них домом, а квартирka в спальном районе казалась пустой и годной только для сна.

Пустой... Почему у них нет детей, которые заполнили бы комнаты весёлым смехом? Роман Вешников вздохнул и посмотрел на улицу, где осенний ветер гнал вдоль фасада стайку жёлтых листьев и прозрачный, как привидение, целлофановый пакетик.

– Ну что ты снова вздыхаешь? – спросила Ева, чуть улыбаясь.

Она сидела в самом дальнем углу кофейни и вязала новый чехол на деревянный стул. Уже половина стульев в «Письмах» были одеты в эти тёплые цветные

телогрейки.

Вешников, явно скучая, подошёл к календарю и сдвинул пластмассовую рамочку на 4 октября 2021 года.

В этот момент в тысячах километров над кофейней «Письма», на космической станции, китайка Джи Мэй порезалась перочинным ножиком, готовя себе завтрак.

«Понедельник, – мысленно отметил Вешников. – Понедельник у нас – день безделья. Опять никто не придёт. – Он посмотрел, как Ева, низко опустив на носочки, ловко перебирает спицами, плюхнулся на стул и ещё раз вздохнул: – Как она меня терпит?»

– Пупсик!

– М-м? – откликнулась Ева, не отрываясь от вязания.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

– Бывало и получше. Совсем нет сил.

– Я забыл тебя спросить, – начал он медленно, так, как говорят люди, привыкшие подолгу сидеть в тишине. – Что сказал врач?

– Врач... – повторила она рассеянно. – Ну а что он может сказать? Пока всё без изменений.

«Что без изменений?» – хотел спросить муж, потому что она должна была сходить к двум врачам: гинекологу и онкологу. Но не успел, потому что дверь скрипнула и колокольчик тренькнул, сообщив о приходе клиента.

В кофейню вошёл молодой человек небольшого роста с крупной головой и массивным лбом. На угрюмом лице росла густая борода и закрученные усы, наподобие тех, что были модными в начале двадцатого века. Он посмотрел на супругов тяжёлым взглядом, в котором мелькнула насмешка.

Хозяева кофейни называли его между собой Логарифмом. Так как он постоянно считал вслух, сидел скрючившись и, говоря откровенно, был не самым желанным гостем, потому что не любил платить.

– Подвешенный кофе остался?

– Доброе утро! – Вешников поднялся со стула, вежливо улыбнулся, но при встрече с грозным взглядом собеседника сник и опустил глаза. – Да, последний.

Он с сожалением перечеркнул единственную белую палочку на меловой доске, обозначавшую подвешенный кофе – какой-то редкий посетитель решил проявить щедрость и заплатил за две кружки: себе и незнакомцу. Дальше бариста начал неторопливо и осторожно готовить напиток.

Логарифм прошёлся вдоль полок с книгами. Взял одну, полистал. Ева бросила на него короткий взгляд поверх очков, подняла бровь и спросила:

– Желаете что-нибудь ещё?

– Смотря что вы готовы мне предложить.

– Завтрак. Пирог с брынзой, крендель с маком или круассан.

– Три... – пробормотал Логарифм. – Три продукта.

– Что вы говорите?

– Три или пять. Можно ли считать мак и брынзу как отдельный вид или правильнее будет классифицировать...

– Я вас не слы-ышу! – пропела хозяйка.

Он ничего не ответил, уселся за столик, уставился в книгу и принялся читать, шевеля губами. Ева взглянула на мужа – тот только недоумённо пожал плечами и понёс кофе посетителю.

Тут колокольчик снова тренькнул, и с улицы в кофейню вошла гигантская газета. Вешников моргнул и только через секунду понял, что перед ним не газета, а сутулый старик в пожелтевшем от времени плаще с росписью из печатных букв, бегущих по рукавам и полам.

Старик, похожий на древнего карабкающегося богомола, взбирался по ступеням медленно, опираясь на деревянную трость. Пригладил ладонью жидкие седые волосы.

Никанор Степанович Саблин заходил в кофейню раз в неделю, перед встречей с хором ветеранов. С самого первого дня знакомства он представился хозяевам кофейни бывшим военным лётчиком. И хотя этого гостя супруги знали и любили, он был совсем не тем клиентом, который помог бы им покрыть ежемесячную аренду помещения.

– Доброго! – бодро поздоровался старик, стуча тростью об пол, и Роман Вешников заметил треснувшую ручку, обмотанную изолентой. Бывший сомнолог вздохнул: вот кому нужно было отдать подвешенный кофе.

– Мне как обычно, сынок.

Вешников засуетился у стойки, начал радостно забивать рожок молотыми зёрнами. А Никанор Степанович извлёк из кармана потёртый бумажник и принялся отсчитывать мелочь.

– Как ваше здоровье? – спросила Ева. Она поднялась с места, подошла ближе и отодвинула стул, чтобы ветеран мог сесть.

– Представь, милая, каждый день я встаю как будто с похмелья, хотя ничего не пил накануне. Тело моё чувствует себя так, словно вчера я сотню раз входил на моём Иле в штопор. Но жаловаться нет смысла, когда половина твоих дружков уже в могиле. Лучше уж ковылять понемногу, чем кормить червей.

Логарифм хохотнул, почесал бороду.

– Старость – похмелье молодости. Забавно, забавно... – сказал он себе под нос, не отрывая глаз от книги. – Даже если разваливаешься на части, лучше

существовать, чем исчезнуть...

Вешников нахмурился и окинул гостя недобрым взглядом. А Саблин, кажется, ничего не услышал.

Однажды Ева сказала мужу, что Никанор Степанович неплохо сохранился и довольно активен для своих лет. Вешников возразил, мол, такие люди особой закалки – чего уж тут удивительного? Вот и Логарифм как будто бы в чём-то подозревал этого замечательного человека.

Ева вернулась к вязанию, застучала спицами.

– Когда следующее выступление?

Старик отхлебнул горячий кофе, довольный, погладил себя по бритой щеке.

– В конце месяца. Собираемся грянуть «Смуглянку», дочка. Для подрастающего поколения.

– Снова выступаете в школе?

– Угу.

Логарифм цыкнул, ухмыльнулся.

Ева опустила спицы.

– Что вас так смешит?

– Скорее, кто. Современные школьники, – немедленно ответил бородач. – Завучи и учителя приведут их в актовый зал и заставят целый час слушать старые песни. Им нужно будет делать вид, что всё это очень интересно, а в голове одна мысль: «Побыстрее бы отсюда сбежать».

Ева поморщилась, а Никанор Степанович, кажется, впервые заметил, что в кофейне ещё кто-то есть.

– Эти песни помогли выиграть войну! – вмешался Вешников, опершись на стойку и недовольно сопя.

– Войну помогли выиграть технологии, – сухо заметил Логарифм.

Саблин неожиданно легко повернул к нему седую голову.

– Технологии создают люди, – хрипло сказал он, и в кофейне на мгновение возникла тишина. – А людям нужны песни. Мне были нужны песни, пока я воевал...

Логарифм неторопливо поднялся. Со стуком поставил на полку книгу. Сказал не оборачиваясь, но достаточно громко:

– Вы из другого теста. Люди стали другими. Они устали от развлечений, они пресыщены. Их давно пора чем-то встряхнуть.

– Вы судите по себе, молодой человек?

Логарифм криво улыбнулся, пригладил бороду и быстро пошёл к выходу.

Саблин буравил взглядом его спину, и только когда дверь захлопнулась и фигура с большой головой исчезла за окном, сказал:

– Да кто он такой. Чем занимается?

Вешников тяжело вздохнул:

– Если бы мы знали, Никанор Степанович.

– Если бы мы знали, – поправила Ева, – легче бы не стало.

Колокольчик снова звякнул, и в следующую минуту в кофейне разом сделалось тесно. Женщина с пышным бюстом и облаком кудрявых волос на голове вошла в двери, таща за собой весело галдящую малышню.

Двое мальчишек, одинаковых как две капли воды, шмыгнули вперёд к буфету, где за стеклом красовались пирожные. Девочка, по-видимому их сестрёнка, хотела погнаться за ними, но мать успела её удержать.

Видно было, что оделась посетительница кафе наспех. Детки застёгнуты на все пуговицы, а вот на себя ей, похоже, времени не хватило.

– Артур, не лапай пальцами стекло. Миша, что ты повис на нём, как пиявка? Один латте, пожалуйста, и побыстрее.

– Мама, эклер!

– Мы договаривались, Лизочка. Никаких сладостей. Мы и так опаздываем на кружок.

– Мам, ты купишь нам «картошку», ну пожа-а-алуйста! – заныли близнецы.

– Ах ты ж! Дайте эклер и две «картошки». И кофе, а то я сейчас лягу на пол прямо здесь.

Вешников за стойкой засуетился. Нечасто ему приходилось торопиться, поэтому он очень боялся опрокинуть пакет с молоком или рассыпать зёрна.

Осознав тот факт, что пирожные им купят, мальчишки переключили своё внимание на старика, неторопливо потягивающего напиток.

Заметив, что на него смотрят, Никанор Степанович заулыбался и пробасил:

– Как жизнь, орлы?

– Нормально, орёл, – рассеянно сказал Миша, а брат дёрнул его за рукав и шепнул на ухо: «Смотри, он одет в гигантскую газету».

Саблин подмигнул девочке, и она от удивления вынула палец изо рта.

Женщина нетерпеливо барабанила пальцами по стойке.

– Садитесь, я всё принесу, – сказал Вешников, словно оправдываясь.

Но она сама взяла у него из рук пирожные и кофе и пошла к столику. В это время Артур чуть не снёс торшер, так как Миша подставил ему подножку, а Лиза неожиданно вспомнила, что забыла у мамы в кармане свою любимую игрушку, и заревела в голос.

– Стоять! Разделиться я, что ли, должна надвое! – взревела женщина.

Она фантастическим усилием заставила себя донести кофе и пирожные до столика. И только тогда кто-то получил игрушку, а кто-то – по мягкому месту.

Затем мамочка с достоинством вернулась к стойке. Сколько с меня?

– Четыреста десять.

Она присвистнула, достала деньги и, чуть замешкавшись, вместе с ними положила на стойку стопку цветных флаеров.

– Вот. А это приглашение на выставку. Я... художница.

– О! – довольно улыбнулся бариста. – Мы с женой любим ходить на выставки неизвестных художников.

Ева кашлянула. Женщина у стойки удивлённо подняла брови. Вешников вдруг понял, что сказал, и уши у него стали цвета сырой форели.

Художница вернулась за столик. Артур и Миша весело заболтали ногами, наслаждаясь «картошкой». Лиза вздыхала над эклером.

Никанор Степанович всё улыбался, глядя на деток.

– Любите самолёты, орлы?

Артур ткнул брата локтем.

– Мне больше нравится японский мицубиси, – заявил вдруг Миша.

– А мне мессершмитт, – сказал Артур. – На нём отличные пулемёты, я тебя всё время гашу.

Брови у старика поползли вверх, и он не сразу смог ответить.

– Разбираетесь в истребителях? Похвально. А что же, про Ил-10 слышали?

– Слышали.

– Неужто думаете, что он хуже ваших японских да немецких! Так вот, я на нём летал...

– Подумаешь, мы тоже летали.

– Со взрослыми так не говорят, – вмешалась мать.

– То есть как, – моргнул Никанор Степанович, – как это «летали»?!

– Не слушайте вы их! – сказала женщина, вытирая салфеткой крем со щёк девочки. – Они наигрались в свои стрелялки на компьютере, вот и говорят, что летали.

На лицо Саблина вдруг упала тень, и он больше не сказал ни слова.

Роману Вешникову, наблюдавшему за ними из-за стойки, показалось, что на этом разговоре и кончится сегодняшний день. Ничего нового больше не произойдёт. Удалится шумное семейство. Постукивая тростью об пол, направится на встречу с хором ветеран. Кофейня вновь опустеет. Будет слышен только стук спиц, звук проезжающих машин за окном да шипение кофейного аппарата.

Но закончилась только обычная часть дня. А ровно в 10:32 началась необычная.

В кофейню зашёл человек с кожаным портфелем. Заказал эспрессо. Ничего примечательного в этом человеке не было, а за ним вошёл другой, в кепке и

тёплых варёжках. Попросил горячего крепкого чая. Не успели новые посетители допить свои напитки, как в помещение ввалилась толпа студентов. Один бледнее другого, под глазами круги, зевают, не прикрывая рта рукой. За ними – подружки с карманной собачкой, обе с мутными глазами. И ещё много-много других посетителей.

Впервые с момента существования «Писем» сидячие места были заняты, и более того – не хватало мест за стойкой. Ева давно отложила вязание и колдовала с кофемашиной, работая быстрее мужа.

И даже вдвоём они успевали едва-едва. У кассы выстроилась очередь до дверей.

Роман Вешников молча удивлялся, пытаюсь, однако, выглядеть перед посетителями так, будто наплыв гостей для них обычное дело. Но «много людей» и кофейня «Письма» были до этого дня в сознании бывшего сомнолога понятиями несочетаемыми.

К десяти вечера наплыв гостей поубавился. В одиннадцать уже не было никого. Супруги, окончательно выбившись из сил, закрыли дверь на замок. Они даже не стали домыывать чашки и оставили эту работу на утро.

За стенами кофейни их ожидал глубокий вечер. Переулок, освещённый янтарными фонарями, навевал сон. С Фонтанки донёсся запах сырой воды. Несмотря на утомление, Вешников пытался шутить и негромко насвистывал.

Ева что-то пробормотала.

– Что ты говоришь? – не понял муж.

– Я говорю, слишком тихо сегодня.

Он пожал плечами:

– По-моему, закономерно для такого сумасшедшего дня.

– Но незакономерно для нашего города, – сказала она, тревожно оглядевшись вокруг.

Они пошли той же дорогой, которой всегда ходили до метро. Обычно в конце переулка им встречалась большая толпа полупьяных, жаждущих попасть в ночной клуб, и супруги переходили на другую сторону улицы. Но сегодня, несмотря на то что двери в клуб были открыты и оттуда доносились звуки музыки, у входа не было никого, кроме рослого охранника.

Здоровяк показался Вешникову вполне дружелюбным, и он спросил у него:

– Что, сегодня совсем нет работы?

Вышибала широко зевнул и пробасил:

– Да, куда-то все запропалились. А вы не хотите зайти? У нас по понедельникам для дамочек свободный вход и бесплатный коктейль.

– Нет, спасибо. Мы натанцевались, – отшутился сомнолог.

Они медленно прошли мимо, оставляя гиганта одного в ночи, освещаемого неоновыми огнями, льющимися из входа.

– Спокойной ночи! – крикнул он.

– И тебе! – ответил Вешников, довольный тем, что так легко поговорил с незнакомцем. – Похоже, сегодня все клиенты перешли к нам, – тихо добавил он, глядя на жену.

Она выглядела потерянной, напряжённой.

– Эй, – позвал он её, – да что с тобой? Такой удачный день...

– Удачный? Что-то не так, – тихо сказала Ева. – С людьми что-то не так.

– С какими людьми?

– Со всеми, – она пространно махнула рукой в сторону домов с горящими окнами.

Как только они вышли из переулка, холодный ветер с Фонтанки безжалостно врезался в лица и принялся искать щели в одежде, ощупывать, как неумелый грабитель.

Они пошли по мосту Ломоносова, мимо каменных башен с толстыми висящими цепями, и пока привыкали к холодным порывам с реки, не могли говорить.

– И что же с ними не так? – повысил голос Вешников, перекрикивая шум ветра.

Ева долго смотрела себе под ноги, потом взглянула мужу в лицо, и он вздрогнул.

– Никогда не видела так много усталых людей.

Он опустил глаза:

– Да брось! Понедельник! Чего ты от них хочешь? Радуйся – о нашей кофейне наконец-то узнали. Не зря я столько мучился с рекламой!

– Реклама тут ни при чём, – резко ответила Ева. – Почему люди пьют кофе, как ты думаешь?

Услышав в её голосе раздражение, он нервным движением поправил на шее шарф.

– Потому что это ароматный и вкусный напиток.

– Не смей меня, сомнолог! Они пьют его затем, чтобы проснуться. Чтобы взбодриться, прийти в себя, чтобы хотя бы на пятнадцать минут перестать чувствовать чудовищную усталость! Люди накачиваются кофеином, потому что доведены до бессилия. Ты видел последних посетителей? Это тени, а не лица.

Вешников замахал руками:

– Я не понимаю. Вчера не были усталыми, а сегодня резко устали? Что такого могло случиться за один день? Ну, допустим, несколько человек устали больше, чем на прошлой неделе, и решили попить кофе. Допустим, эта осень немного темнее и холоднее, чем прошлая. Но это не значит, что случилось Нечто.

– А отсутствие людей у клуба? Это клуб, в который люди хотят попасть даже в будни. Мы каждый день видим тут толпу.

– Ерунда. У любого заведения бывают провальные дни. Стечение обстоятельств. Один заболел, у другого не завелась машина, третий решил не идти сегодня в клуб, потому что интересный матч по телику. Это теория вероятности.

– Я не могу тебе объяснить, что чувствую...

Он поёжился:

– Вот именно. Не обижайся, но, по-моему, это всё твоя болезнь. Тебе нужно отдохнуть. Когда болеешь долго, кажется, что весь остальной мир тоже заболел.

Она вздохнула и осторожно взяла его под руку:

– Может быть. Может, я просто всё это выдумала. Прости.

Вешников удовлетворённо кивнул, но какая-то беспокойная мысль тонкой иголочкой заколола в голове.

Они долго ехали домой, а когда добрались до своей постели, сразу рухнули в неё.

Этой ночью бывший сомнолог мог бы дать мастер-класс по крепкому сну.

Незаметные перемены

Пятого октября 2021 года в мире продолжили происходить странные вещи.

Карлос Сантьяго из Бразилии, которому в меткости не было равных, потерпел первое в своей карьере фиаско.

Показывая очередной фокус с метанием ножей, он позволил себе на секунду отвлечься на посторонние мысли, и клинок рассёк его прекрасной ассистентке щёку.

Последняя приходилась ему младшей сестрой. Девушка с детства тренировалась в уклонении от ножей и могла бы вовремя среагировать, чуть повернув голову влево, если бы с утра не чувствовала себя такой разбитой.

На другом континенте, в пустыне Сахара, ловец ящериц Саид ибн Абдур едва не лишился руки, когда по небрежности схватился за скорпиона. Он всегда мог на ощупь отличить скорпиона от ящерицы, а в этот раз не успел.

В тысячах километров от него Ашок Ганджи из Бомбея, заклинатель змей, проснувшись среди ночи с гудящей головой, перепутал короб, в котором находилась королевская кобра, с ночным горшком. Эта ошибка стоила ему жизни.

Известный английский путешественник Томас Морган, оказавшийся в Венеции и снимавший селфи на носу гондолы, не заметил низкого моста. Он ударился головой, упал в воду и едва не захлебнулся. Гондольер Джузеппе Браво по кличке Командор, который должен был предупредить гостя об опасности, прикрыл глаза, почёсывая бок, и открыл их, только услышав крики прохожих.

В десяти шагах от этого места помощница знаменитого стеклодува Альберто Джованни по рассеянности опрокинула поднос с сотней фигурок ангелов самой тонкой работы. Сам Альберто проснулся от звона разбитого муранского стекла и понял, что всё ещё держит на огне почерневшую оплывшую заготовку.

В парижском ресторане «Максим» повара трижды пересолили блюдо, от которого трижды отказывался клиент; главный повар все три раза забывал, какие именно претензии ему предъявляли. Но уволили почему-то официанта.

На Монмартре один из художников четыре раза перерисовывал портрет туристки, и впервые в жизни у него не вышло сходства. Он отказался от денег, в отчаянии порвал холст и сломал раму.

В Курске молодая учительница Ольга Орлова, известная своей воспитанностью и сдержанностью, впервые накричала на детей в классе. Отчего одна из девочек рыдала целый час.

Секретарь, войдя в кабинет с чашкой кофе, нашла директора школы спящим прямо с телефоном в руках.

В Москве во время решающего матча «Зенита» и «Спартака» нападающий Фёдор Копьёв четырнадцать раз приближался к воротам противника и четырнадцать раз мазал. А судью обещали сожрать на ужин, так как он еле бегал по полю и не замечал штрафных.

Снимавший матч оператор нагнулся за банкой энергетического напитка и забыл придержать камеру, отчего она съехала в сторону и стала снимать крупным планом премьер-министра, присутствовавшего на первом матче по случаю открытия стадиона. Именно в этот момент премьер на пару минут провалился в сон. Кадр попал в прямой эфир, а затем в сеть, после чего интернет взорвался волной возмущений.

На земле каждую секунду кто-нибудь умирает, рождается, падает, роняет что-то из рук, засыпает на рабочем месте, путает номер рейса и не успевает за убегающим молоком.

Но если бы была возможность посчитать количество странных случаев, произошедших в этот день по причине рассеянности, неуклюжести, медлительности, – полученные цифры побили бы все рекорды.

Помимо событий, выходящих из ряда вон (не у всех дома живёт королевская кобра), случилось огромное количество происшествий, на первый взгляд незаметных, но имеющих ощутимые последствия.

Бухгалтер со стажем Элеонора Павловна Бахштейн поставила не то число в договоре с банком о выплате зарплаты сотрудникам ООО «СтройКрой». Она не знала, что в этот день были совершены миллионы похожих грубых финансовых ошибок, которые в дальнейшем приведут многие компании к банкротству, массовым увольнениям и судебным разбирательствам.

Опытный хирург из Севастополя Иван Туров, очень внимательный и организованный человек, оставил во время полостной операции в теле пациентки ножницы, и обнаружилось это только на повторном УЗИ. Кроме него, тысячи врачей и медсестёр совершили в этот день роковые ошибки, начиная неверно выписанными лекарствами и заканчивая не доставленными вовремя донорскими органами.

Наконец, ошибки совершали и люди, которые целый день сидели дома. Если бы существовала специальная комиссия, которая могла отслеживать такие просчёты – все электрические вилки, не выдернутые из розетки, и все краны, которые вовремя не закрыли люди, – количество пожаров и потопов можно было бы заметно сократить.

Одним из тревожных сигналов стали маленькие дети, которые в этот день особенно часто падали на площадках, капризничали, плакали по любому поводу, отказывались от сна и еды. На родителей, нянь и воспитательниц в этот день жалко было смотреть.

Но ведь дети частенько капризничают, и если они один день вели себя плохо, это ещё не значит, что с миром что-то не так!

Да и кто мог предположить, что глобальные перемены могут быть незаметными. Другое дело – цунами, взрыв на АЭС или вспышка чумы.

Может быть, не каждый день неприятности случаются с профессиональным метателем ножей. Но обидные промахи время от времени совершает каждый.

«Просто сегодня был неудачный день», – думал Карлос, наклеивая пластырь на щёку младшей сестре.

«Просто я сегодня сама не своя», – скажет помощница стеклодува, вытряхивая из совка осколки.

«Это всё магнитные бури», – начнут успокаивать коллеги учительницу из Курска.

Нападающий Копьёв пожалуется болельщикам на старую травму колена, а хирург Иван Туров вспомнит, что заканчивать операцию, вообще-то, должны были его молодые помощники – могли бы и заметить оставленные ножницы.

Специальной комиссии потребовалось бы около месяца, чтобы собрать статистику людских ошибок и заявить: с миром что-то не так.

Потому каждый думал, что с ним всего лишь случилась очередная неприятность. Кто-то свалил всё на судьбу, кто-то помолился Богу, кто-то занялся самоедством.

А тем временем планету всё больше окутывал невидимый туман усталости.

Бочка Либиха

Он привычным жестом пригладил усы и продолжил:

«Капля падает за каплей. Шлёп-шлёп... И что тут такого? В бочке ещё полным-полно места, пускай себе капает.

Но бочка Либиха не так проста. Эта модель отражает один из главных законов экологии: у всякого живого организма есть слабое звено, фактор, который более всего отклоняется от оптимального значения. Он-то и приводит к катастрофе.

Сделана бочка добротнo: днище не течёт, стенки – досочка к досочке, без щелей и дырок. Только одна странность отличает её от обычной бочки. Деревянные клёпки разной высоты. От этого верхний борт неровный: одна досочка выше, другая ниже.

Сто?ит воде немного перевалить за нижний уровень и... бам! Прорыв плотины! Остальные клёпки, какими бы высокими они ни были, не смогут защитить бочку от потери воды. Нижняя досочка и есть роковой фактор».

– Ты его знаешь? – спросила Кира, заморозённо глядя на вещающую с кафедры голову с массивным лбом, застывшими глазами и усами, как у Николая II. – Эй, не спи!

Она толкнула подругу локтем. Та сладко зевнула, прикрыв пухлой ладошкой с новым маникюром огромный накрашенный рот.

– Что? Я такой сон видела...

– На высшей математике выпишься. Кто он? Эколог?

– Вроде того. Говорят, он почти всё время торчит в лаборатории. А теперь дай мне поспать.

– Подожди, он что, уже профессор?

– Откуда я знаю? Профессор или доцент. Какая разница, если человека интересуют какие-то бочки? Мне, честно сказать, по?боку. И не только мне.

Она обвела взглядом дремлющую аудиторию.

«...Что же находится в бочке? – гремел коротышка, тыча пальцем в рисунок на меловой доске. – Что есть жидкость, которая плещется там? Может быть, ваше душевное равновесие, или благополучие, или жизненные силы: ваши, ваших родителей, подружки по общежитию – энергия всего человечества, энергия всех организмов на земле».

– Эй, Кира! – подруга зевнула, не разлепляя глаз. – Он что, тебе понравился?

– Не говори ерунды. Просто... ну он какой-то...

– Несуразный? Не от мира сего? Гы-гы... Скажи, если бы ты была последней женщиной на Земле, а он последним мужчиной, вы бы...

Кира двинула подругу локтем, покраснела.

– Спи. Когда ты храпела, было лучше.

«А теперь мысленно напишите на каждой деревянной клёпке то, что поддерживает ваше нормальное существование: пища, вода, сон, движение. Или это будет собрание микроэлементов, без которых не может жить ваше тело. Какая из клёпок окажется самой малой? Что на ней написано? Что сведёт все усилия на нет? Может быть, стресс? Или недостаток фосфора? Или...»

– Усталость! – выкрикнула с места Кира и, когда на ней остановился пронизательный тяжёлый взгляд со стороны кафедры, растерялась.

– Что вы сказали?

– Я сказала «усталость», – дрогнувшим голосом повторила девушка. Кто-то в аудитории глупо присвистнул. Кира набралась смелости и спросила: – Разве на бочке не может быть написано это слово?

Доцент нервно почесал бороду:

– Может, судя по состоянию сегодняшней аудитории... А для меня слабым звеном всегда было терпение!

С этими словами преподаватель сделал невозможное: размахнувшись хорошенько, так что под узким пиджаком проступили мышцы, он швырнул кусок мела об стену. Белые осколки разлетелись в стороны, и Кира успела заметить, как один маленький кусочек чиркнул по плечу уходящего вон доцента.

В аудитории сонное молчание сменилось тихим рокотом пробуждения.

– Что это было? – спросил голос, похожий на замедленную запись на магнитофоне.

Кира поднялась, её прямоугольное веснушчатое лицо с тонкими губами и крупным носом вытянулось. Она окинула взглядом просыпающуюся толпу студентов и выбежала в коридор.

Доцент бодро шёл вдоль длинных высоких полок со старинными фолиантами, мимо выстроенных в ряд статуй великих учёных, и в его походке было что-то важное и одновременно забавное, почти как у Маленького Бродяги Чарли Чаплина.

«Зимние ботинки, – поняла она. – Высокие военные ботинки под брюками. Он тоже без сменки».

Она хотела позвать преподавателя, но забыла имя. Вернее, он даже не представился на первой лекции. Кира думала, как лучше к нему обратиться, но вспоминались лишь дурацкие прозвища, которые она от кого-то слышала: то ли Интеграл, то ли Логарифм.

– Эй, постойте! Извините, пожалуйста! Да подождите вы!

Учёный резко обернулся, и она удивилась, что вблизи он не такой уж старый. Просто борода и закрученные усы добавляли ему лет десять. Доцент был на голову ниже её, и Кира привычно ссутулилась. Она всегда сводила плечи и опускала голову, когда встречала кого-нибудь ниже себя ростом. А случилось

это почти всегда.

– Вы что-то ещё хотели?

– Что-то хотела? – оторопела девушка. – Простите, но вы только что ушли с лекции, швырнув об стену мел. Мне нужно знать, что такого я сказала? Почему вы так расстроились?

– Можно отвечать на ваши вопросы в любом порядке?

Кира даже кивнуть не смогла от удивления. Логарифм облизнулся, как сытый кот:

– Вопрос номер один: «Что-то хотела?» – был вашим вопросом к самой себе, а также саркастическим повторением моего вопроса. Вопрос номер два: «Что я такого сказала?». Вы не сказали ничего такого, о чём бы я сам не рассуждал в последнее время. Для морских кораллов опреснение воды может стать смертельным. Для выживания северных оленей важна глубина снежного покрова. Они просто выматываются, если долго ходят по глубокому снегу. А что может ограничить существование человека? Мы придумали опреснители, чтобы превращать морскую воду в пресную, и снегоуборочные машины, чтобы убирать тротуары. Мы даже научились очищать загрязнённый нами же воздух. Усталость, если хотите знать, может быть написана на одной из клёпок бочки. Но она вряд ли станет minimum-фактором, ограничивающим наше выживание. Есть другие, более значимые факторы.

– Какие именно?

– Болезнь, голод, война, бесплодие, человеческая глупость.

– А что, если именно усталость станет таким фактором? – заговорила Кира, не обращая внимания на студентов, которые шли по коридору и оборачивались на них. – Что, если этот фактор уже действует всюду? Вы думаете, наш курс всегда был таким роем сонных мух? Я видела, как эти ребята умеют работать. В последнее время они словно транквилизаторов объелись. И с тем, как вы читаете лекцию, это не связано. У вас очень хорошо получается...

Она осеклась. Лицо Логарифма-Интеграла не дрогнуло.

– Это всё?

– Нет, не всё. Вы не ответили на третий вопрос. Может, я и дура, но до трёх считать умею.

В его глазах появилась насмешка.

– Нет, вы не ду-у-ра, – растянул он специально последнее слово. – На последний вопрос нет смысла отвечать, потому что он задан неверно. Я не расстроился, как вы выразились. Я просто поставил точку. Закончил своё выступление, ответил на ваш вопрос и поставил жирную белую точку. Мелом на стене.

– Лекция длится час пятьдесят, а не сорок минут, – обречённо вздохнула Кира. – Не думаю, что в деканате обрадуются вашему решению.

– У меня есть запасной вариант. Меня давно зовут на кафедру психологии.

– Так вы ещё и психолог?

– В каком-то смысле. Защитил парочку диссертаций.

– Парочку?

– Послушайте, мне дорого моё время. И я не привык тратить его впустую. Если вы и здесь желаете получить ответы, предлагаю продолжить разговор завтра, в моей лаборатории на кафедре прикладной экологии.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, ища скрытый мотив. Он нахмурился и добавил, неловко кашлянув:

– Скажем так... Мне нравится ход ваших мыслей. Мало людей оппонирует мне с успехом. Если вы хотите проверить свою странную «гипотезу усталости», что ж, беритесь за дело, а не разглагольствуйте, стоя посреди главного коридора.

Девушка медленно, как загипнотизированная удавом жертва, кивнула.

Он, не прощаясь, зашагал по коридору.

– Простите, а над чем вы работаете?

Доцент неохотно развернулся.

– Если коротко: я абсолютно уверен, что наш привычный мир очень скоро ждёт катастрофа. Мне осталось найти самую короткую клёпку на бочке, прежде чем это случится.

– И что будет дальше?

– Дальше катастрофа всё равно произойдёт. Просто я, в отличие от других, буду подготовлен.

Художница

Майя проснулась в благословенной тишине.

Никто не звал её, не требовал соску, воду, любимую игрушку. Никто не просил посидеть рядом с кроваткой, потому что приснился плохой сон.

Она потянулась, разметав по подушке свои непослушные кудри, и в этот момент сердце ухнуло куда-то вниз.

«ПОЧЕМУ НИКТО МЕНЯ НЕ ЗОВЁТ?!» – Майя резко села и вперила взгляд в часы. Семь утра. Всё в порядке: дети спят.

Она рухнула обратно на подушку и поняла, что, как бы остро она сейчас ни нуждалась во сне, уснуть ей не удастся.

Майя попыталась посчитать, сколько раз за ночь сегодня вставала. Один раз Миша попросил попить, и два раза Артуру снился плохой сон. Лиза, кажется, только единожды теряла свою любимую куколку, с которой всегда спала. Итак, сегодня счёт 3:1 в пользу близнецов. А ведь Майя наивно думала, что, когда они подрастут, станет легче.

Начало дня, как всегда, принесло тучу мыслей и тревог. Она попыталась успокоиться, насладиться минутами тишины.

За окном было 14 октября 2021 года. Ровно десять дней прошло с момента, когда на планете начались необратимые изменения, которые большинство жителей Земли пока ещё объясняло своей рассеянностью и неорганизованностью.

Над городом плыл холодный рассвет. В окне ещё в лёгкой дымке висела луна. Видно было, что она покатая, белая, как бильярдный шар, а на боках вмятины, словно от удара кием.

Майе вспомнился сон, который она видела этой ночью.

«Через мрак и звёзды идёт седая бледная старуха и хлопает в ладоши. Бах! Между её ладонями лопаются звёзды, как электрические лампочки, и гаснут навсегда. Старуха идёт неторопливо, насупив брови и выставив крючковатый нос с бородавкой. Бах! Бах!

Майя смотрит на неё с Земли, машет руками, кричит, просит, чтобы старуха прошла мимо, повернула. Но звёзды продолжают взрываться между морщинистыми ладонями, они сыплются стеклярусом в чёрные дыры её карманов. А старуха, не изменяя курса, движется к Земле. Бах! Бах! Шаг, ещё один...

Иногда старуха берёт очередную звезду или планету и засовывает в рот – так, словно собирает чернику. Песок хрустит у неё на зубах.

У Майи подгибаются ноги. Сейчас придёт конец семье: дочке и близнецам, мужу, ей самой и всему живому. Хлопок – и синие киты лопнут наподобие виноградин, стаи птиц разлетятся на перья, океаны брызнут в стороны, небоскрёбы кубиками рухнут в пропасти, и тысячи голосов вскрикнут в последний раз.

Она уже видит, как гигантские ладони приближаются справа и слева, слышит сухой треск старческих суставов. Майя в отчаянии делает глубокий вдох и начинает расти, надуваться, как воздушный шар, её тело устремляется вверх. Она летит навстречу существу, готовому уничтожить её любимый мир, и взрывается кучей осколков, капель, пуль, собственных копий.

Последнее, что она видит, – удивлённое лицо старухи...»

Станный сон. Возможно, когда-нибудь она его нарисует.

Майя приоткрыла балконную дверь и по привычке посмотрела вниз. Петербург отсюда, с высоты элитной многоэтажки, выглядел крохотным, но видно было, что муравейник просыпается.

Первый очнувшийся после сна трудоголик уже вышел на тропу войны, взял в руку портфель и топал к станции метро. Мужичок в кепке задумчиво курил, пока прогревался мотор его старенькой «Лады». В мире электронных сигарет и входящих в моду электромобилей он выглядел человеком-динозавром, застрявшим в другой эпохе.

Дамочка в пижамных штанах, зевая, выгуливала понурого лабрадора. Неоновый ошейник поблёскивал голубыми и красными огнями и делал пса похожим на китайскую игрушку.

Одинокие, никогда не спящие такси, шурша шинами, ехали в сторону аэропорта. По проспекту тащился, позвякивая, пока ещё пустой трамвай. Эта новая модель должна была ездить бесшумно, но что-то в ней всё равно время от времени звякало.

Может быть, Майе показалось, но даже отсюда, с высоты, люди выглядели какими-то вялыми, потерянными. А трамвай ехал так, словно ему публично сделали выговор в депо.

«Может быть, что-то с атмосферным давлением?» – предположила она.

Зевнула, поёжилась и подумала, что всегда хотела жить ближе к земле. Во всех смыслах.

Когда-то они с родителями жили в крохотной хрущёвке на окраине города, и Майя считала за радость, если от сестёр ей доставалась какая-нибудь обновка из одежды. И хотя в те времена, ей так не казалось, сейчас она бы была счастлива иметь меньше вещей. Особенно в те минуты, когда бралась за уборку.

Её дети, по-видимому, будут воспринимать холл с хрустальной люстрой, большую ванную и отдельную комнату для игр как должное. Отец дал им всё, о чём можно было мечтать. Только его самого с ними почти не бывает...

Майя вздохнула и юркнула в ванную. Начала приводить себя в порядок – такая возможность выпадала ей нечасто. Она долго смотрела в зеркало, пока расчёсывала волосы: искала признаки старения в тонких морщинках у глаз и вдруг поняла, что уголки рта у неё смотрят вниз. Майя с усилием улыбнулась, стараясь отыскать в себе едва бьющие источники беспокойства.

Их оказалось много.

Во-первых, муж снова в командировке. Во-вторых, ей нужно успеть до вечера организовать собственную выставку картин, на которую уже приглашены гости. В-третьих, скоро проснутся дети и их снова – да, снова – нужно будет кормить и развлекать.

Она набрала в ладони воду и опустила в неё лицо. Одновременно с этим спокойное утро закончилось и тревожные мысли полились через край. Они смешивались, разделялись, снова смешивались, и Майе казалось, что она думает обо всех проблемах сразу.

«...Он в командировке. Ну и что такого? Он и так всё время в разъездах. Да, в этом и проблема. Я тут одна. С детьми. Одна – и с детьми. Странно звучит...

Ладно, я справлюсь. Выставка. Надо выбрать, что показывать. Нужно было сделать это раньше, в субботу. Но когда? Глеб опять уезжал куда-то по работе. Так. О прошлом думать нельзя. Только о настоящем. Иначе я свихнусь. Итак, что

ещё нужно для выставки? Успели они распечатать буклеты или нет? И починили лампу в углу? Послать приглашение Хлемингу, он может написать в журнале «Чёрный квадрат». Опять я это делаю в последний момент. А картина, конечно, не высохла...»

Майя засунула в рот зубную щётку, повесила на шею полотенце и, босая, побежала вниз по лестнице. Привычно скользнула глазами по фотографиям на стене. Они с мужем рядом с палаткой на берегу озера в Карелии. Сбежали от всех, растворились на три дня в сосновых дебрях, напились хвойного воздуха, накупались голыми ночью в озере, наелись черники и, пропахшие дымом, вернулись в город. Это было так давно, что кажется неправдой. Неужели это больше никогда не повторится?

«О прошлом думать нельзя».

Она встала на носки. Достала с верхней полки потайной ключ от двери под лестницей, повозилась с замком и... вошла в свою мастерскую.

Майя до сих пор не верила, что у неё есть собственная мастерская. Это была небольшая комнатка с окошком. Недостижимая мечта, которая сбылась раньше времени. Лучший подарок мужа, уступившего свой кабинет, в котором он почти не бывал. То, что у большинства женщин стало бы гардеробной, у неё было местом творческого безумия.

Однако хаоса здесь не наблюдалось – краски аккуратно убраны, кисти, разложенные по размеру, сохнут на тряпице. Только лежащая на подоконнике палитра, похожая на морское дно, за которое борются мидии, звёзды и рапаны, хранила следы битвы за нужный цвет.

Ещё одним местом боя было полотно, над которым Майя работала уже больше года. Картина стояла на мольберте посреди комнаты, и в рубиново-жёлтых мазках, как в огне, когда на него долго смотришь, постепенно начинали проступать фигуры. Это были силуэты женщин, стремящихся прочь друг от друга. Их руки, ставшие ветвями, мешали им разъединиться.

Она обошла мастерскую по кругу, как делала каждый раз, когда заходила сюда.

Её знакомые художники многое готовы были отдать за то, чтобы иметь возможность свободно работать в специально отведённом для этого месте. А у Майи такая возможность была. Вернее, была лишь призрачная иллюзия возможности.

Она редко находилась здесь.

Злая ирония! Пока у Майи не было своей мастерской, она работала каждый день и могла выдать до сотни картин за год. В её голове всегда рождались новые композиции. Но стоило ей так легко получить собственный уголок, как вся жизнь оцетинилась на неё и стала за шиворот тянуть из мастерской. Больше не было времени, чтобы часами стоять у холста.

С каждым годом идей становилось всё меньше. Одновременно с новой квартирой на свет появились близнецы, и с прежней жизнью было почти покончено.

Как же это порадовало свекровь и мать, которые терпеть не могли друг друга, но в одном были единодушны: Майя занимается ерундой и ей давно пора завести детей.

А когда она родила троих, ей говорили, удивляясь: «Почему ты так мало пишешь? Ты же называешь себя художницей!»

Ей хотелось послать всех подальше: они только и делали, что говорили. За пять лет материнства бабушки всего пару раз предложили Майе посидеть с внуками. Всякий раз, когда она просила об этом, её просьбу или не слышали, или выполняли с секундомером в руке.

Она не хотела жаловаться, особенно самой себе. Муж сделал всё возможное, чтобы она могла воспитывать детей и заниматься делом, которое любит. Он дал ей не только мастерскую, но и нашёл знакомых, которые помогали устраивать выставки. Это была непростительная роскошь.

Несмотря на это, все попытки мужа вернуть её к прежним занятиям только увеличивали страдания. Ведь самое горькое – не иметь возможности пользоваться тем, что имеешь. Она действительно не успевала заниматься и живописью, и детьми. Наверное, она согласилась бы остаться без мастерской в

обмен на то, чтобы муж чаще мог проводить время дома.

Майе часто приходила в голову мысль, что родиться художником в этом мире, если вдуматься, отвратительно. Большинство людей только делает вид, что живопись для них что-то значит. Они даже профессией это не считают. Художники никогда не смогут дать то, что дают пекари, врачи или инженеры. Для многих художники – это балласт человечества.

Но ведь ей дан зачем-то именно такой талант! Она ни бум-бум в музыке и математике, а рисовать у неё всегда получалось лучше всего. Значит, она кому-то нужна? Если за тысячи лет существования человечества художники не исчезли как вид – приспособились, выжили и научились оставлять себе подобных, – может быть, они что-то значат?

Но невозможность заниматься любимым делом – это далеко не всё, что волновало Майю. Выставки были её единственным способом заработать.

Удобства, которыми семья окружила себя, появились в период расцвета компании мужа, – тогда её прибыль достигла максимума. В то время у них ещё не было детей. Однажды Глеб Шатров пригласил молодую супругу на свидание в их будущую квартиру. Это был один из красивых жестов, которые он так любил, а ипотека, хотя её ещё нужно было выплатить, в то время казалась сущим пустяком.

В квартире уже был сделан ремонт, и Майя почти ничего не могла добавить к внутреннему убранству. Всё до мелочей предусмотрел дизайнер. Наверное, многих женщин это только порадовало бы, но у Майи, как художника, возникло чувство собственной бесполезности.

Конечно, её поразило в этой квартире всё, включая два яруса и лестницу, – но она ещё долго не могла почувствовать себя здесь хозяйкой. Она была достаточно умна, чтобы не сказать об этом мужу, ведь он так старался! Но, как оказалось, за деньги можно купить жилплощадь, но нельзя купить дом.

Когда на свет появились близнецы, выплачивать ипотеку стало сложнее. Майя и Глеб уже не путешествовали так часто, как раньше, и почти никуда не выходили по выходным. Пройдя через бессонные ночи и все тяготы материнства, Майя

стала куда более практичным человеком. И если в гости на ужин приходили коллеги мужа – ей приходилось хорошенько продумать список продуктов, чтобы дотянуть до следующей зарплаты. Когда она говорила об этом Глебу, он словно не слышал её. Статус успешного специалиста в крупной компании «Дон Кихот Групп», занимавшейся строительством альтернативных источников энергии, слишком нравился ему. Он свято верил, что ветряки скоро появятся на территории всей России, и не желал замечать, что с момента покупки квартиры цены выросли, а его доходы уменьшились.

Единственное, что Майя умела делать хорошо, – это рисовать. Поэтому она планировала пополнять семейный бюджет своим ремеслом. Продажа картин приносила хоть нерегулярный, но ощутимый доход – в том случае, если находился безумный коллекционер, готовый купить хотя бы одно полотно за большие деньги. Но для того, чтобы покупатель нашёлся, следовало организовывать новые и новые выставки.

Майя на цыпочках подошла к холсту и сделала то, за что в художественном училище её страшно наказали бы, – потрогала кончиком пальца жирный мазок краски. На коже осталась красная точка. Конечно, за ночь краска не успела высохнуть, и теперь Майе придётся проявить чудеса изобретательности, чтобы довести полотно до выставки. Ей пришлось дописывать картину в последний момент – и вот результат.

Майя долго глядела на своё творение, кусая губы и думая, что ещё необходимо добавить. Она уже коснулась лакированной кисточки, как вдруг сверху послышался тоненький голосок.

«Уже? Ох... Это Лиза. Она всегда встаёт первой».

Майя с трудом оторвала взгляд от холста. Повернулась к двери и поняла, что всё ещё держит во рту зубную щётку.

Добежав до ближайшей раковины, она прополоскала рот.

По мере того как Майя поднималась по лестнице, голосок всё больше превращался из жалобного призыва в плач. Она ничего не могла с собой поделать, но этот звук раздражал её, сводил с ума.

Вроде бы она давно должна была привыкнуть к детским слезам и крикам, но в них слышались голоса её матери и свекрови, голоса её сомнений – всего того, что она хотела и не успевала совершить. Первый крик утром означал конец её личной жизни и начало механической заботы о детях.

Когда Майя вошла в комнату, Лиза сидела в кроватке и смотрела на дверь взглядом, полным вселенской скорби. Стоило маме приблизиться, как лицо девочки в мгновение засияло. В каких бы мрачных чувствах Майя ни приходила утром к детям, одной такой улыбки было достаточно, чтобы все проблемы на время забылись. Неподдельная радость, которая сквозила в лице дочки, когда в начале дня рядом с её кроваткой появлялось самое дорогое существо, рушило стену любого уныния.

Обычно Майя начинала целовать маленькие ручки и лоб, а дочка долго обнимала её в ответ, рассказывая, что ей снилось. Затем они шли будить близнецов и вместе завтракали. Но сегодня был необычный день, это Майя ощутила уже в тот момент, когда, проснувшись, выглянула из окна. Лицо девочки, несколько секунд сиявшее, вдруг снова сделалось капризным, она плюхнулась обратно на подушку и закрылась одеялом.

Майя попыталась поиграть с девочкой, хватая её за ножки. Но Лиза только недовольно хныкала, глубже зарываясь в одеяло.

Будить близнецов Майя пошла одна – нужно было вести их в садик, а Лизу придётся тащить с собой – не оставишь же её дома. Она представила, как одевает троих детей, как они разбегаются кто куда, и от этого ей стало дурно.

Братья ещё спали. Артур лежал поверх одеяла, раскинув руки, и жалобно поднимал во сне брови. Миша свернулся в калачик и мирно сопел. Майя хотела тихонько выйти – они ещё не опаздывали, – но Лиза решила, что о ней забыли, и снова начала стонать и плакать. Артур, разбуженный её воплем, заметался по подушке. Майя провела ладонью по его лбу и поняла, что у мальчика жар.

Ей под сердце будто подвесили сетку с кирпичами. «Ну конечно! Именно в этот день ему нужно было заболеть!» Пришедшее следом чувство раскаяния в том, что она плохая мать и думает о своих делах, а не о ребёнке, Майя отогнала. Только самоедства ей и не хватало!

Никакая она не плохая мать. Она устраивала эту выставку полгода, неужели она не может хотя бы один день провести так, как хочет!

«Не могу, – с горечью подумала она. – Мать и свекровь правы. Я должна забыть о себе и заниматься только детьми».

Майя заметила, что нервно грызёт ноготь. Она быстро отняла палец ото рта (ещё одна вредная привычка, от которой её в подростковом возрасте отучала мать, но так и не отучила).

Крик Лизы достиг максимума. Майя рванула к её кроватке, спотыкаясь о разбросанные игрушки и припоминая, что вечером убиралась.

«Близнецы опять играли ночью с фонариком».

Она взяла дочь на руки и прижала к себе. Девочка выглядела неважно: из носа вода, глазки красные.

Майя вспомнила, что примерно последние две недели после того, как они забежали в кофейню и сходили на кружок лепки из глины, дети почти всё время капризничали и выглядели совершенно измученными. Да и сама она еле ноги волочила. Голова была заполнена туманом, уборку, которую она затеяла неделю назад, никак не получалось довести до конца, – Майя падала на кровать и засыпала.

На то, чтобы поднять всех детей и умыть, у неё ушло около сорока минут. Артур с видом сомнамбулы шёл за ними на кухню и через каждый шаг опирался стенку. Майя отправила его в кровать.

С двумя оставшимися справиться было немного легче, правда, она никак не могла решить: отправлять в садик Мишу одного или оставить его дома. Вчера она говорила с матерью по телефону, и та со скрипом согласилась посидеть с Лизой при условии, что девочку привезут к ней домой. Теперь же получалось, что Артур, лежащий с жаром, остаётся дома, Лиза, конечно, с ним, а Миша... Мать точно не согласится сидеть с троими. Она и так жаловалась, что единственный выходной между сменами ей придётся подстраивать под «причуды дочери» и отменять гостей. «Причудами» она, конечно, называла предстоящую выставку – пятилетний труд, тридцать холстов тонкой, ювелирной

живописи.

Мать Майи работала на кассе возврата в крупном супермаркете, где к ней относились как к надёжной кофемолке, у которой устарела розетка, но если подобрать нужный переходник, то она будет молотить и молотить. Работа стала для неё привычкой, она давно могла выйти на пенсию, но терпеть не могла оставаться дома одна. Самое страшное оскорбление для неё было – если кто-нибудь из подруг подумает, что она бездельничает дни напролёт.

Майя могла бы попросить о помощи отца – внуки в деде души не чаяли, но он работал сварщиком на газопроводной трассе и надолго, на несколько месяцев, уезжал из города. Поэтому ей пришлось засунуть подальше свою гордость и просить о помощи мать.

Теперь же всё выходило совсем скверно. Артура придётся оставить дома, и Лизу, скорее всего, тоже. О том, чтобы отменить выставку, не могло быть и речи. Майя должна была провести её ради того, чтобы снова почувствовать себя человеком, а не роботом-нянькой, готовящей кашу, стирающей штанишки и кофточки, заляпанные этой кашей. В какой-то степени провести выставку нужно и ради детей, иначе ещё один день с ними превратит её в чудовище.

«Как я отведу Мишу в садик, если Артур едва ходит? Как отвезти Лизу к бабушке?»

Она судорожно пыталась найти решение, в исступлении взбивая вилкой в миске яйца с молоком.

В детстве отец загадывал ей загадку про козу, волка и капусту. Лодочник должен отвезти животных и урожай на другой берег, но в его маленькой лодке помещается только что-то одно или кто-то один. Если оставить козу с волком, то он съест её. Если возмёшь волка – коза съест капусту. Как же долго Майя, будучи пятилетней девочкой, ломала голову над этой задачкой. Она сидела на нижней полке плацкартного вагона, кусала ногти и дёргала себя за кудряшки, но это не помогало. За окном пролетали телеграфные столбы и залитые солнцем крыши деревенских домиков, тянулись зеленеющие пашни и мелькали ёлки вперемешку с берёзами. Отец лежал на верхней полке, поглядывал на неё и тихонько посмеивался. И когда она нашла первую разгадку (всего-то нужно оставить волка с капустой, а козу забрать!) и замахала руками от радости,

опрокинув стакан с чаем, мать вышла из себя, больно схватила её за волосы и велела всё убрать...

«Нужно всего лишь решить, кто сегодня сядет в лодку, а кто останется на берегу».

Она вылила густую белковую массу на горячую сковороду. Омлет какое-то время держался, а потом забулькал и зашипел. На столе вспыхнул смартфон, Майя лёгким прикосновением, ответила на видеозвонок, вставила в ухо наушник.

На экране появилось лицо мужа.

– Всем привет!

Дети радостно завизжали:

– Па-па!

– Вы уже проснулись?

– Да!

– А где Артур?

– Он заболел, пап! – сказал Миша.

Майя пожала плечами:

– Извини, я не успела тебе позвонить вчера. Сил не осталось...

Она вгляделась в лицо на экране. Под глазами супруга темнели круги, он был небрит, что обычно для него не характерно. Галстук на шее ослаблен и сдвинут в сторону, словно мешает ему.

– Ты, я вижу, тоже не в лучшей форме. Простудился?

Он крикнул:

– Нет. Страшно хочу спать. Ты ведь знаешь – я жаворонок. Но со школы не помню, чтобы мне так тяжело было вставать утром. Как будто ацетона надышался. Голова шальная...

Он выпил воды из пластикового стаканчика.

– Разве у тебя не совещание? – спросила Майя.

Он криво улыбнулся.

– Должно было начаться пятнадцать минут назад. Пришёл только Николай Львович...

Поворот камеры – и Майя увидела пустой стол для переговоров. В самом конце сидел, развалившись, заместитель директора Николай Львович, мужчина с пивным животиком и масляными глазками. Увидев, что его снимают, он перестал играть на смартфоне и вяло махнул рукой. Майя неловко запахла халат и подняла руку в ответ. Она сто раз просила мужа не звонить по видеофону с работы, когда рядом коллеги, но он всё равно её не слушал.

– И где все?

– Понятия не имею. Пара человек звонили, что опаздывают. Но так, чтобы все и сразу, – это впервые. Видать, сегодня магнитные бури или вроде того...

– Глеб, – Майя заговорила тише, чтобы её слышал только муж. – Мне нужна твоя помощь, ты можешь сегодня приехать пораньше?

Он взял со стола шариковую ручку и нервно защёлкал ею.

– А что такое, Майя?

– У меня сегодня выставка, ты помнишь? Артур слёг с температурой, Лиза, кажется, болеет. Мне не справиться одной.

Глеб рассеянно покрутил головой, он избегал смотреть на экран.

– Ты же знаешь, для нас конец месяца всегда аврал. К тому же в финансовом отделе напортачили с документами...

– Я не прошу тебя приезжать прямо сейчас, просто отпросись с работы пораньше, хотя бы на час. Да они и так тебе должны отгулы за работу в выходные дни...

Она вовремя спохватилась и замолчала.

– Боюсь, это невозможно, малыш, – сказал он, наклоняясь к самой камере, так что его нос стал казаться невероятно большим. – После обеда придёт новый заказчик. Каждая минута на счету. Я ведь предлагал тебе найти няню. Не все они такие ужасные...

Майя только фыркнула. Она не хотела говорить об этом. У одной её знакомой няня курила в присутствии младенца. Какое-то время ей удавалось это скрывать, но она забыла, что детская одежда тоже впитывает запах табака.

– Нет. Тут нечего обсуждать.

Муж задумчиво потёр переносицу.

– Я мог бы попросить маму взять кого-нибудь одного...

На мгновение Майя подумала, что вариант с няней не так уж плох, но у неё не было времени искать достойную кандидатуру, поэтому она тяжело вздохнула и сказала:

– Хорошо, попробуй.

Экран погас.

Миша уплетал омлет, Лиза поморщилась и отодвинула от себя тарелку.

Майя чувствовала голод, но не могла заставить себя сесть за стол, пока в голове царил такой хаос. Она начала размышлять, как поведёт одного ребёнка в садик, второго к одной бабушке, а третьего к свекрови. План ей не нравился. Всё у неё внутри клокотало от негодования, и не было сил, чтобы сосредоточиться.

«Хоть разорвись на части! Майя, клонируй себя!»

Находиться наедине со своими мыслями стало невыносимо. Так ничего и не решив, она нажала на панель и включила последние новости.

По телевизору всё так же обсуждали случай, когда премьер-министр уснул во время первого международного матча, приуроченного к открытию нового стадиона. Майя закатила глаза, узнав, что этот случай вызвал бурные обсуждения в сети. Григорий Поленов, помимо того, что был премьер-министром, считался возможным кандидатом в президенты. В интернете одна группировка обвиняла будущего кандидата в лени и вялости, а другая оправдывала излишним трудолюбием, в результате чего, по их мнению, он и уснул.

– Человеку просто захотелось выспаться, – сказала, вздохнув, Майя, пытаясь скормить хотя бы кусочек омлета дочке.

– Что ты сказала, мама? – повернул голову Миша.

– Ничего, ешь.

После новости о министре потекли рекой истории о том, что ужасного успело произойти за последние сутки. Сообщали о нескольких пожарах в Московской области, все они случились по похожему сценарию: кто-нибудь в доме засыпал с сигаретой в руках и просыпался на горячей постели, если вообще просыпался. Конечно, от этого страдали невинные жильцы дома. Репортёр назидательно советовал зрителям не курить в постели.

Затем показали баржу, перегородившую четверть Невы, с вывороченной рубкой. Капитан по неизвестным причинам не учёл время разведения мостов и высоты судна и едва остался жив, приняв смертоносный поцелуй железного моста. Этот случай был из ряда вон, современная навигация давно уже не помнила таких глупых трагедий, потому посчитали, что экипаж был в стельку пьян, хотя

доказать это так и не удалось.

Говорили про конфликты между Северной и Южной Кореей, про новые кислородные маски в Японии и утихающий ураган «Элиза» на юге Техаса.

Говорили про то, что в Воронеже водитель автобуса увёз пассажиров в противоположный конец города. А когда его спросили, почему он так поступил, мужчина лишь рассеянно развёл руками и сказал, что его недавно поставили на новый маршрут и он по привычке поехал по старой схеме. Удивительно, но пассажиры никак не отреагировали на выходку шофёра. Как объяснил кондуктор, народу было мало, день пасмурный и, кажется, все уснули.

В целом новости были самые обычные, и Майя слушала их только затем, чтобы оборвать поток надоедливых мыслей, ревущих в голове.

Но если бы Майя не отвлекалась ежеминутно на детей и если бы ей не приходилось постоянно лазить под стол за падающими кусочками омлета, она, наверное, заметила бы, что дикторы сегодня ошибаются на удивление часто, а слой грима на их измождённых лицах замечен даже издали.

Оставив наконец попытки накормить Лизу омлетом, Майя, взглядевшись в сонное и несчастное лицо дочери, решила отправить её в постель.

Миша был самым бодрым, он пошёл играть в комнату, прыгал и кувыркался, играл с мячиком, а затем попросился в туалет.

Майя впервые за день по-настоящему испугалась, когда, придя за ним через пару минут, обнаружила мальчика спящим. При этом он продолжал сидеть на унитазе со спущенными штанишками.

«С моими детьми что-то не так», – после того как эта мысль возникла в её голове, Майя машинально села в гостиной и уставилась в одну точку.

Она ведь уже неделю назад почувствовала это «что-то не так», просто думала – полная фаза луны, вспышки на солнце или что-то там ещё...

«Подцепили ротавирус? Близнецы принесли очередной подарок из садика. Или рыба вчера за ужином была несвежей? Но Артур не ел рыбы...»

Майя заставила себя оторваться от созерцания узора на обоях, поднялась, прошла в детскую. Её встретило молчание и дружное сопение. Ещё ни разу она не видела, чтобы дети ложились в это время спать.

Наушник у неё в ухе слабо завибрировал. Майя коснулась его.

– Доброе утро! – раздался в ухе наигранно весёлый тонкий голос с латвийским акцентом. Куратором выставки была Инга Балодис, женщина с непростым характером – одинокая старая дева, которая считала себя высшим ценителем и судьёй современного искусства только на том основании, что среди её знакомых были многие известные художники. Майя давно хотела нарисовать её портрет. Тонкие костистые руки, меланхоличная ниточка губ, бледные, пустые глаза. По образованию она была искусствоведам и теоретически прекрасно разбиралась в живописи, но ни разу в жизни сама не держала кисть, имела скудное воображение, и когда дело доходило до вопроса, как использовать пространство выставочного зала, начинала спорить и предлагать немыслимо пошлые варианты. Когда Майя предложила написать от себя, а не от третьего лица небольшие рассказы о картинах на карточках и тем самым расположить к себе зрителей, куратор возмутилась и сказала Майе, что та слишком много о себе думает.

– Вы обещали привезти ещё одну картину, и я до сих пор не вижу её в нашем зале, – продолжила хозяйка студии. – Кажется, я уже говорила, как не люблю, когда всё делается в последний момент.

– Я привезу картину заранее, – ответила Майя, мыслями находясь где-то далеко и всё ещё обдумывая, что делать с детьми.

– Тогда поторопитесь, милая. На кону репутация не только ваша, но и нашей студии.

Длинный гудок.

«Напыщенная индюшка».

Майя хотела набрать номер телефона матери и обнаружила голосовое сообщение. Торопливый голос в записи говорил сдержанно, но в нём слышалось раздражение:

«Дочка, ты весь вечер не берёшь трубку! Я звонила тебе, чтобы сказать: меня попросили выйти на кассу возврата. Алиса заболела, и её некому заменить. С малышкой я посидеть не смогу, так что не приезжай».

Майя тяжело вздохнула и закрыла лицо руками. Всё сегодня против неё, против этой выставки. Может быть, послать всё к чёрту и остаться дома, как она уже делала не один раз? Расстаться с иллюзиями и продолжить своё жалкое рабское существование?

«Это не навсегда, Майя, очнись. Дети вырастут. Когда-нибудь они вырастут, – усмехнулась художница. – И тогда ты наконец сделаешь одну-единственную в жизни выставку».

А может быть, сдаваться не стоит и всё это никакие не предостережения, а всего лишь полоса препятствий, которую нужно преодолеть?

Майя подошла к окну, посмотрела, как ветер ошипывает одинокий пожелтевший тополь. Собралась с духом и набрала ещё один номер.

Бах! Старуха хлопает в ладоши, и привычный мир раскалывается на части. Бах! Звёздное крошево разлетается в чёрном холоде искрами. Зачем ей приснился этот сон?

Раздался гудок, и Майя услышала в трубке человека, которого меньше всего хотела бы слышать, – матери своего мужа.

– Алле, – ответил хриловатый надменный голос.

Майя вздрогнула, представив её искусственные локоны и губы, накачанные гелем с гиалуроновой кислотой, на бледном стареющем лице.

– Доброе утро, это Майя. Как ваши...

– Глебчик мне уже звонил, я в курсе.

– Значит, вы сможете посидеть с ребятами?

Майя почему-то не осмелилась назвать их внуками.

– С ребятами?! – свекровь прокашлялась и продолжила. – Глеб говорил, что нужно посидеть только с Артуром. Миша пойдёт в садик, а Лиза уедет к твоей маме.

– Всё немного поменялось. Мама работает, и все трое чувствуют себя так себе. Я вызову врача, он посмотрит их.

В трубке возникло молчание, только слышно было, как скулит маленькая карманная собачка у неё на руках.

– Ну так что, – не выдержала Майя, – вы сможете?

Пауза затягивалась, казалась вечной.

– До вечера я свободна. Но в девять ты должна вернуться домой.

Майя молча кивнула и не смогла сдержать горькую улыбку.

Хорошо, что она позвонила не по видеофону.

Фельдшер

Только спустя неделю после того, как одна из клёпок «бочки Либиха» дала течь, некоторые люди начали замечать вокруг неладное.

Остап Назаров, студент Тамбовского областного медицинского колледжа, одним из первых обратил внимание на странные вещи, происходившие с пациентами. Но кто будет слушать двадцатилетнего практиканта из Мичуринска, который даже ещё не стал фельдшером...

Жизнь Остапа весь последний год напоминала жизнь груши в боксёрском зале. Это была не жизнь, а сплошное выживание.

Он не помнил, когда последний раз спал больше шести часов. Питался как придётся и где придётся и уже не замечал, что стал относиться к еде как к топливу, необходимому для дальнейшего движения. Задолго до того дня, как усталость пустила свои корни и настало четвёртое октября, молодой человек испытал на себе всю палитру её оттенков. От лёгкого головокружения и сонливости до полного обездвиживания и нежелания жить.

Как будущий врач, Остап понимал, что ничего хорошего из такого образа жизни не выйдет. Но самое плохое, что могло с ним случиться, это смерть, а смертей он видел достаточно. Можно сказать, он привык к смерти. Страх к ней как-то спрятался, притупился.

Первые полгода практики он проработал санитаром на машине скорой помощи. Если бы какой-нибудь журналист попросил Остапа рассказать об этой работе, он ответил бы очень просто: «Иногда люди умирают, иногда – нет. Чаще нет, чем да».

Но журналистам обычно нет дела до таких людей, как Остап, у них другие интересы.

Полдня экипаж скорой трясло по ухабам, когда они объезжали окрестности Мичуринска. В каком-нибудь отдалённом посёлке они спасали залитого кровью пьяницу, которому дружок-собутыльник всадил вилку в шею. Или успевали сделать укол от высокого давления древней старушке, которая через месяц-другой всё равно должна будет распрощаться с этим миром.

Попадались и дети с отёком Квинке, которых удавалось спасти в последнюю минуту, и фрезеровщик с завода, потерявший пару пальцев, и беременные женщины с открывшимся кровотечением.

Но чаще всего – это Остап отметил почти сразу, как начал практику, – люди сами становились причиной случавшихся с ними проблем.

Рабочий в цеху, впервые за десять лет стажа, почему-то решал, что он достаточно опытен, чтобы вовремя уклониться от крюка грузового крана, и с утра оставлял свою каску в раздевалке.

Юноша, только что сдавший на права, думал, что он уже вполне может водить так, как в игре Need for speed, и понимал, что это самообман, только в тот момент, когда столкновение с сонным водителем такси было неизбежно.

Суеверная болезненная женщина, побывавшая у местной знахарки, выпивала травяной настой, от которого ей должно было стать лучше, а становилось только хуже.

Конечно, люди страдали от инфекций, врождённых болезней и плохой экологии, но гораздо чаще они становились жертвами собственного невежества или беспечности.

И поэтому Остап, пока его молодые глаза ещё горели желанием изменить этот мир, по вечерам и в редкие выходные штудировал медицинские справочники и научные статьи в интернете, чтобы быть готовым ко всему.

Времени на это оставалось немного. Дома его ждала мать, которая поднималась с кровати, только чтобы дойти до туалета, кашляла по ночам и страдала от запущенного рака лёгких. При этом она продолжала курить и любила повторять Остапу, что когда её сынок станет врачом, вот тогда-то она и вылечится.

Три года назад Остап поступил в колледж именно с этой целью – найти какую-нибудь подходящую терапию и помочь ей. Он так серьёзно занялся этой проблемой, что мог бы утереть нос онкологу со стажем, хотя в медицинской среде студент колледжа считался жалким дилетантом. Получив диплом, он станет всего лишь фельдшером, а не доктором в полном смысле этого слова, как любили повторять ему старшие врачи.

Времени на то, чтобы стать настоящим профессионалом, не оставалось: мать угасала уже сейчас, да и у Остапа поубавилось пылу. Он скоро начал сомневаться в том, что у матери есть желание выздороветь, она, как тот рабочий со стройки без шлема или как ребёнок, не желающий идти к доктору, потому что «и так всё пройдёт».

Например, она была в силах подняться с кровати сама и приготовить себе еду. Но почему-то не делала этого.

Деньги, которые ей платили по инвалидности, и той жалкой стипендии, что получал Остап, едва хватало на оплату квартиры. Поэтому молодой человек был вынужден искать подработку.

Его практика давно закончилась, а он продолжал работать на скорой. Взяли его охотно – сотрудников, как всегда, не хватало.

Остап легко сходилась с людьми, он любил пошутить, старался говорить правду, и его хорошо принимали.

Диспетчер скорой Тоня, называвшая всех санитаров лапочками и любившая барбариски, рассказала ему, что в терапевтическом отделении требуется помощник заведующего. А однокурсник Григорий Жбанов по кличке Градус, который учился на медицинском только потому, что имел в ДНК три поколения врачей и страшно страдал от этого, договорился, что Остап будет сменять его на дежурстве в психиатрической больнице за скромные откаты.

– А что скажет папа? – спросил Остап (отец Градуса был главврачом в «жёлтом доме»).

– Я обо всём договорился, мужик. Во-первых, ты же знаешь, у нас жёсткая нехватка врачей и санитаров. Во-вторых, как только батя узнал, что у тебя проблемы с мамой, он сразу согласился. У него ведь первая жена тоже умерла от рака.

Остап напрягся. И Градус неловко кашлянул.

– Прости, мужик. Я имел в виду: нелегко, когда приходишь домой после смены, а там ещё один больной. Ты словно живёшь в аду, мужик! Не знаю, как ты держишься. Я бы уже дуба дал... Чёрт, да ты вроде как пример для меня.

Градус похлопал приятеля по плечу. Остап махнул рукой:

– Ладно. Мы сегодня spoём?

– А то. Собираемся в «Пароварке».

«Пароварка» была маленькой тропической оранжереей во дворе больничного корпуса. Там собирались те из санитаров, студентов и врачей, у кого не было семей и кому хотелось расслабиться после тяжёлой работы. Остап не курил, потому что слишком часто слышал, как кашляет мать, и почти не пил, потому что быстро пьянел. Но у него была одна слабость: раз в неделю он пел под гитару песни, а вернее, горланил их до тех пор, пока не начинал хрипеть. После этого он уходил домой спать с лёгкой и чистой головой – и хотя бы на несколько часов своей жизни забывал о болезни и смерти.

На одной из таких встреч он повстречал Лану – тонкую стройную второкурсницу, которая училась на медсестру. Он часто видел её в колледже и считал одной из тех девушек, что помешаны на учёбе. Лана давно смотрела на него. Она казалась робкой и ранимой. Поэтому Остап слегка опешил, когда в «Пароварке», в самый разгар веселья на его коленке под столом заплясала её рука, а затем начала поглаживать ногу.

Позже, когда они вышли вдвоём из душной оранжереи и прохладный воздух наполнил лёгкие, она сцепила руки за спиной и, медленно покачиваясь, произнесла:

– Мне нравится, как ты поёшь.

Остап устало пожал плечами:

– Может, это потому что мне нравится петь?

Она засмеялась немного нервно.

– Нет. Не поэтому, – сказала она чётко и взвешенно.

Молодой человек внутренне сжался, потому что теперь в её взгляде не было ничего робкого и даже появилось что-то хищное.

– Нет? – выдохнул он, пытаюсь говорить хладнокровно. – Почему же?

Не должен он был спрашивать, потому что заранее знал, какой услышит ответ. Не любил он эти игры.

– Потому что мне нравится всё, что ты делаешь.

– Капельницу я ставлю хуже всех в группе, – сказал он без улыбки, глядя в тёмную глубину сквера с мягким ковром из опавших листьев и чёрными руками деревьев.

Она опять засмеялась, и снова он услышал эту нервную нотку в её голосе. Нотку, которой не найдёшь ни в одном произведении классической музыки, потому что издать её способна только одинокая девушка.

Лана хлопнула его по плечу:

– Не скромничай! Я слышала, ты сдал наркологию на отлично. Этой гримзе нелегко угодить!

Остап вздохнул:

– Она не гримза. Просто слишком давно преподаёт.

Он хотел вынуть руку из кармана куртки, но тут же почувствовал, как к коже прикоснулось что-то прохладное и мягкое.

– Прости, у меня руки замёрзли.

Она нашла в кармане его ладонь и бесцеремонно зарылась в неё, как птенец под крыло наседки.

Остап пристально посмотрел на девушку, и Лана на мгновение растерялась, глядя в его открытое и простое лицо.

– Тебе куда?

– На Пугачёва, это почти на самом берегу Каменки. Я живу с мамой и сестрой. Проводишь?

Он неловко кашлянул.

– Только до вокзала. Извини, меня дома ждут.

Они пошли. Под ногами, похожие на крылья летучих мышей, шелестели кленовые маслянистые листья.

– Это всё из-за твоей матери?

Остап нахмурился.

Она продолжила, и на этот раз в её голосе послышалось смущение:

– Я слышала, что она тяжело болеет. Могу я... хм, чем-то помочь? Может быть, нужно посидеть с ней или...

– Лана, – перебил он её ласково, – не нужно, спасибо. Она наотрез отказывается от сиделки.

– И при этом заставляет быть сиделкой тебя?

– Что?

– Извини, но это жестоко: в двадцать лет работать на износ и не иметь возможности даже...

– Даже что?

– Проводить девушку до дома.

Она хотела разозлить его или увидеть на его лице смятение, но он снова только пожал плечами:

– Ничего не поделаешь, я привык.

Они неловко замолчали. Пошёл мелкий дождик. В глазах поплыли огни фонарей. Кожу будто покалывали ледяные иголки.

– Откуда это ты столько обо мне знаешь? – спросил он с улыбкой.

– Говорят, ты лучший на курсе. А я всегда выбираю лучших!

Он помрачнел и остановился, осторожно высвободил руку из кармана, отчего её рука бессильно упала. Нужно быть осторожнее с такими женщинами, как она, – не поймёшь, умная или дура, добрая или злая, говорит правду или лжёт. И самое главное – почему так привлекает?

– Лана, я никакой не лучший. Я живу в Мичуринске, в богом забытом месте, где полно возможностей для тех, кто занимается сельским хозяйством и плодово-ягодными культурами, но нет ни одного приличного медицинского вуза. Мне тесно здесь, как слону в тазу. В лучшем случае через три месяца я стану фельдшером и понятия не имею, что мне с этим делать и как жить. Каждый вечер я злюсь на мать и раздражаюсь по любому поводу, потому что меня тошнит от усталости. Зачем тебе такой человек?

– Но... – выговорила она, задыхаясь, – но я слышала про ту реанимацию, когда все сдались, а ты спас человека...

Остап усмехнулся. Они тогда с бригадой первой помощи приехали посреди ночи в офис к местному депутату. Странно было смотреть, как человек, наделённый

большой властью, беспомощно лежит на полу и, словно большой сом, хлопает ртом. Он лежал посреди ковра в холле, выставив огромный живот, вращая красными глазами и давясь слюной. Вокруг бегала девица в шелковом халате, явно не его жена, и причитала.

Полчаса они откачивали его, и Остап действительно вспотел и вымотался, пока они возвращали несчастного к жизни. Молодой человек не сдался даже после того, как уже семь минут не билось сердце, и обозлённые санитары отказались «возиться с трупом». Но Остап просто не любил бросать начатое дело. И сердце вдруг ожило...

– Это мои обязанности, Лана. Вот и всё.

– Ну и ну... Скромник нашёлся.

Он снова нахмурился.

Она взяла его под руку, и они молча пошли по пустой улице дальше.

– Ты всё время такой разговорчивый?

– Стараюсь как могу, – буркнул Остап. – Не люблю трепать языком, что тут такого?

– Человек-загадка, – сказала она самой себе, отвернувшись. И облачко пара вырвалось из её губ.

«Кто бы говорил...» – подумал Остап, застёгивая молнию на куртке.

Первые заморозки уже чувствовались в воздухе.

– Ну, рассказывай... – продолжила Лана.

– Что рассказывать?

– О чём ты мечтаешь? Чего тебе хочется? Я не верю, что работа на скорой и уход за больной матерью – всё, чем ты живёшь. Так и свихнуться недолго. Наверняка у тебя есть какая-нибудь цель, идеал.

Остап ухмыльнулся. Никто не верит. Ему иногда казалось, именно потому, что у него не было цели, идеала и всех этих высоких мыслей, он пока ещё не свихнулся. Он просто день за днём делает своё дело. Вот и весь секрет.

– На работе у меня есть друзья, а с мамой тоже бывает весело.

Ну да, обхохочешься. Прошлой ночью, часа в четыре, пришлось делать уколы, которых она жутко боится, – так Остап посоветовал ей петь в голос, пока он вводит лекарство, и это сработало.

– Я спрашиваю про тебя, – сказала девушка с нажимом.

Остап задумался, и Лане, которая в этот момент взглянула в его лицо, на мгновение показалось, что сейчас он где-то далеко, за тысячи километров отсюда.

– Я бы хотел уехать из этого места, – сказал он наконец.

Она ехидно улыбнулась:

– Не ты первый, не ты последний. Только знаешь, я бывала в местах похуже. У вас хотя бы есть театр.

– Ну да, я могу пересказать тебе все спектакли. Мы ещё в школе пересмотрели весь репертуар.

Она подняла руки в знак протеста:

– Нет уж. Я здесь не так долго, как ты. Оставь мне немного утешения.

Он вздохнул:

– А ты не хочешь уехать отсюда?

– Я полжизни переезжаю с матерью и младшей сестрой. Хватит.

«Значит, у неё нет отца, – понял Остап. – Это многое объясняет».

Он давно уже заметил, что у девушек, которые росли без отца, есть какая-то нервность, надлом.

Ну что ж, он тоже с пяти лет не знал отца. Мать говорила, что тот был моряком, – уплыл, наверное...

– Долго ты собираешься работать на скорой? – прервала его размышления Лана.

– Вообще-то, как раз сегодня мне предложили новое место...

– Градус сказал мне, что по вечерам ты будешь работать в психушке вместо него. Это правда?

В её голосе прозвучала ирония.

Остап пожал плечами:

– Должен же кто-то там работать. К тому же психиатрия была моим любимым предметом.

Где-то неподалёку прогремел поезд. Из мглы выплыл железнодорожный вокзал.

Место, которое Остап помнил с детства. Беспокойное, пребывающее в вечном движении. Не выветривающийся запах табака. Пассажиры, выходящие из поезда в спортивных штанах, тапочках и куртках, накинутых на плечи, – покурить, купить беляш или дешёвую лапшу со вкусом курицы. Сорок минут остановки в городке, который они, наверное, считали неким перевалочным пунктом.

Бронзовый бюст человеку с бородой и в шляпе – единственное, что они могли запомнить на этой станции, когда шли за соком в ближайший магазинчик. И вряд ли кто-нибудь из них всерьёз задумывался о том, что новые сорта фруктов

и ягод для их сока вывел именно этот человек в шляпе – селекционер Иван Мичурин.

Поезда приходили сюда из городков поменьше Мичуринска, и Остап ещё мальчиком научился отличать тех, кто едет из таких городков, от тех, кто жил в северной или южной столице. Иногда он подолгу смотрел со старой водонапорной башни, как отбывает поезд в Москву или Петербург, и ему казалось, что в маленькой точке на путях, тающей на горизонте, собрались все его неясные надежды.

Хотя Остап с Ланой были далеко от вокзала, он даже отсюда чувствовал запах сигаретного дыма. Это разозлило его и напомнило о матери.

Пора домой, возможно, она так ни разу и не поднялась с кровати за весь день, чтобы поесть или сходить в туалет. В последнее время она хандрит.

Остап бросил последний взгляд на вокзал – его недавно отремонтировали, но вид всё равно был неважный из-за мелких магазинчиков, облепивших его со всех сторон. От этого нарядный фасад выглядел как новогодняя ёлка, на которую вместо игрушек навесили консервные банки и старые носки.

В сумерках ему показалось, что этот вокзал заколдован, уехать с него невозможно – поезда ходят по замкнутому кругу.

– Мне пора, – Остап неловко кашлянул, когда они подошли к перекрёстку.

Лана была начеку. Приблизилась к нему быстро и плавно, поцеловала прямо в губы.

Остап от неожиданности замер. Обычно девушки ждали его поцелуя. Да и вообще он ещё не решил, нравится она ему или нет. От её волос приятно пахло мёдом и цветами.

Лана обняла его за талию, вздохнула – и, когда он невольно ответил на её поцелуй, опустила голову и сделала шаг назад.

– До встречи, скромник.

Он ничего не ответил. Её прохладная рука скользнула по тыльной стороне его ладони.

Затем Лана посмотрела прямо ему в глаза и сказала строго:

– Пообещай мне, Остап...

Парень вздрогнул. Всё притворство будто разом слетело с неё.

– Что пообещать?

– Пообещай, что жизнь тебя не сломит, – прошептала она, волнуясь, – что ты не станешь серым скрюченным человечком, какими становятся трудоголики вроде тебя. Вроде моего отца, которого проклятая система раскатала в лепёшку. Пообещай мне, что не станешь рабом.

Она будто заглянула ему в самую душу. Он кивнул:

– Я постараюсь. Мне бы тоже этого не хотелось...

Лана открыла рот, чтобы сказать ещё что-то, но только неопределённо взмахнула рукой и пошла прочь через перекрёсток.

Дома его ждал сюрприз. Остап застал мать на их крохотной кухне: она не только поднялась на ноги, но и подогревала ужин.

– Я проснулась голодной, как людоед в последний день поста.

– Не думаю, что людоеды соблюдают пост, – заметил Остап.

Он, как был в куртке, сел на стул, с удовольствием откинулся на спинку и закрыл глаза.

– Сними верхнюю одежду, – сказала мать. – Что это ты такой довольный?

– Так, ничего.

Мать сегодня была разговорчивой и без остановки рассказывала обо всём, что видела в вечерних новостях. Только теперь, когда она поднялась на ноги, Остап увидел, как мать похудела за последние полгода. Сделав паузу, она подошла к окну, и её рука легла на пачку сигарет, лежавшую на подоконнике.

Невольно она бросила взгляд на сына.

– Мам, – нежно сказал Остап. – Может, пока не надо?

Он ещё помнил, как вчера ночью она заходилась очередным приступом кашля.

Мать пару секунд стояла в раздумье. Потом её пальцы начали ловко выуживать сигарету из пачки.

– От этого мне уже не станет хуже, а вот если я не закурю...

Остап вздохнул, опустил тяжёлую голову на ладони.

– Я не смогу тебе помочь, мам, если ты себе не поможешь.

– Когда у тебя выпускные экзамены? – сменила она тему, выпуская струйку дыма в приоткрытое окно.

– Должны быть через несколько месяцев, в конце декабря. Но, возможно, мне удастся сдать досрочно.

– Зачем тебе спешить?

«Для неё время дома тянется медленно», – подумал Остап.

– Я нашёл новую работу, мам. Но без диплома буду получать копейки.

Она задумчиво посмотрела в окно:

– В школе ты всегда обгонял программу, именно поэтому я просила перевести тебя из третьего сразу в пятый. В восьмом классе тебя сбили с толку эти ребята с Моховой улицы, из семей уголовников. Иначе ты уже учился бы в университете.

Остап подошёл и взял её за руку:

– Mam, я ещё поступлю в университет. Вот увидишь. Мы подкопим денег. Ты придёшь в себя, и рванём в Питер или Москву.

Она сминала губами сигарету, рассеянно глядя на жёлтый фонарь в короне осенних листьев.

– Я совсем тебе не помогаю, – произнесла она дрожащим голосом. – Что я за мать?

Он ласково обнял её, поцеловал в подбородок, увидел в волосах несколько седых прядей.

– Тебе просто нужно выздороветь, мам. Нужно захотеть выздороветь. Например, «химия»...

Она всхлипнула носом, перебила сипло:

– У меня совсем нет сил. Даже на то, чтобы хотеть выздороветь, нужны силы. Но скоро я тебе не буду обузой, мой мальчик...

Остап разозлился:

– Перестань, мам!

Она обняла его. Её лицо медленно менялось, тревожные морщинки между бровями разгладились:

– Иди отдыхай. Завтра я приготовлю тебе сырники.

Он ещё раз поцеловал её и хотел уже идти, но она придержала его за руку и хитро взглянула в глаза:

– Передай своей девушке, что у неё приятные духи.

У Остапа покраснели уши.

– Она... У меня нет никакой девушки.

Мать сделала театральный жест и достала из пачки новую сигарету.

– Ну в таком случае я самый здоровый человек на земле.

Она хрипло рассмеялась, поглядывая на его смущённое лицо, затем её смех перешёл в тяжёлый грудной кашель.

Остапу разрешили сдать экзамены досрочно, не без помощи отца Градуса, который имел уйму знакомых в медицинском колледже и почему-то всего за пару разговоров проникся к молодому студенту доверием. Кто знает, может, он увидел в друге Гриши то, что так хотел видеть в собственном сыне, – задатки хорошего врача.

Для Остапа начался сложный период подготовки. Одновременно с этим он работал в двух больницах – готовиться к экзаменам приходилось либо ранним утром, либо поздней ночью. Он совсем не высыпался, но молодой организм пока ещё неплохо переносил лишение сна.

Время от времени, когда он шёл с одной работы на другую или наведывался в библиотеку, его отлавливала Лана. Иногда она приносила ему хорошие книги для подготовки, иногда бутерброды или пирожки. Последнему вечно голодный студент был особенно рад, и ему больше не казалось, что девушка действует слишком напористо, – он был вымотан и мысленно благодарил её за заботу.

В обычной больнице он проходил стажировку и помогал заведующему отделением неврологии: возился с кучей бумаг и ходил вместо него на

регулярные осмотры пациентов. Эта должность досталась ему случайно из-за острой нехватки медперсонала.

В палаты чаще попадали тяжёлые больные, они подолгу лежали в койках. Остап был поражён, как мало им уделяется времени и как быстро развиваются осложнения у пациентов, которые почти не двигаются.

Медсестёр было мало, и работали они спустя рукава – подолгу не подходили к больным, даже когда те звали их. Остап часто видел, как они пьют чай в подсобке или сплетничают. Молодому человеку приходилось самому при обходах переворачивать больных, ставить им капельницы, менять утки и даже делать массаж, хотя по инструкции он не обязан был это делать. Через неделю он стал работать на автомате и даже не замечал, что пациенты начали обращаться к нему по имени.

Вечером он шёл дежурить в психиатрическую больницу. Изменённое сознание, душевные заболевания давно вызывали у Остапа исследовательский интерес. Он много читал об этом прежде и теперь мог наблюдать за пациентами с неврозами, шизофренией и биполярными расстройствами. Однако интерес этот несколько угас, когда он столкнулся с пациентами на практике. Психушка оказалась очень грустным местом, где бо́льшая часть персонала относилась к их странностям как к очередному неудобству, которое следует устранять любым способом: лекарствами, наказаниями, обездвиживанием.

Через пару недель Остап заметил, что пациенты, у которых есть занятия, ведут себя спокойнее других.

Два шизоида часто дрались по вечерам и заставляли остальных волноваться. В наказание их привязывали ремнями к кроватям.

Как-то Остап пришёл с гитарой. И полвечера они с пациентами пели. На следующий вечер повторилось то же, да ещё к концерту присоединилась пара санитарок. Отец Градуса сначала не одобрил подобные действия, но скоро смекнул, что так вечера на этаже проходят спокойнее, и решил поддержать идею Остапа. В общей палате появился пластилин, шашки, цветная бумага для оригами, небольшая библиотека. Даже здоровым людям становится плохо без занятия, что уж говорить о больных.

Однако новая работа довольно скоро превратилась в рутину. Остап вспоминал слова Ланы: «Пообещай, что ты не станешь серым скрюченным человечком, какими становятся трудоголики вроде тебя». Он всё время думал об этом и боялся, что уже стал таким «человечком». Некому было объяснить, что появление его – молодого студента, чуткого к людям и думающего несколько иначе, чем другие, – медленно улучшало жизнь пациентов, а некоторым даже незаметно спасало эту самую жизнь.

Наконец, наступило 4 октября 2021 года, день, когда Остап пришёл на досрочный экзамен к десяти часам утра в аудиторию № 5 Тамбовского медицинского колледжа.

В это утро в Петербурге кофейня «Письма» только-только открыла свои двери и хозяева знать не знали, что посетители сегодня, в обычный будний день, хлынут к ним потоком.

В тот же миг на другом конце планеты бразилец Карлос Сантьяго разминал запястья перед фокусом с метанием ножей, а его младшая сестра сидела у зеркала, зевая и расчёсывая волосы.

В тысячах километров от них московский футболист Фёдор Копьёв собирался сделать зарядку, но плюнул и вернулся в постель к своей подружке-фото модели, которая спала мёртвым сном на широкой круглой кровати. Вечером на ответственном матче Копьёв поставит личный рекорд, промазав мимо ворот четырнадцать раз подряд.

Остап выдохнул и вошёл в аудиторию.

Его и ещё несколько студентов должна была ожидать комиссия из трёх преподавателей.

Однако их оказалось всего двое: третий, пожилой профессор, не явился по причине плохого самочувствия. Остальные выглядели так, словно накануне пробежали десятикилометровый марафон.

Высокий бледный инфекционист пил айран и потирал жилистыми пальцами виски.

Женщина в выцветшей блузке, с поддёргивающейся щекой, лучший в городе нарколог, которую Лана несправедливо назвала грымзой, писала что-то в листах, веером разложенных по столу. Она то и дело отвлекалась от своего занятия и рассеянно смотрела на вошедших студентов. На её лбу блестели едва заметные капельки пота. Щёки горели нездоровым румянцем.

Молодой человек почти не волновался – на это у него уже не было сил. Его больше беспокоило, что он будет делать с новой работой и справится ли он со всем, что на него в последнее время навалилось.

Экзамен оказался формальным. Остап даже пожалел, что потратил столько сил и времени на подготовку. Порой создавалось впечатление, что комиссия его не слушает, – начини он говорить про розового слона с крыльями, они будут так же пялиться в бумажки, сопеть и качать головой.

Через пару дней он вышел из колледжа с дипломом, которого так долго ждал, и всерьёз задумался о том, что в его жизни, по сути, ничего не изменилось. Пока он так и не стал настоящим врачом. Менять утки, ставить капельницы, ухаживать за лежащими больными – неужели это всё, на что он способен?

«Тем не менее, – думал Остап, – экзамены сданы и самое сложное позади».

Он потянулся и радостно зашагал прочь от старенького здания колледжа.

Молодой человек не мог знать, что следующие несколько недель станут самыми сложными в его жизни.

Он шёл по городу, в котором с детства знал каждый закоулок. Он видел людей, по большей части знакомых ему, и не мог избавиться от странной мысли: что-то в них изменилось, что-то в них не так.

Это чувство становилось сильнее и набирало обороты, как снежный ком. Он думал одновременно о матери, о пациентах в больницах, о Лане и о людях, которых видел на улицах города. Что-то их связывало. Всех их и его самого. Что-то новое. Повисшее в воздухе тревожной невидимой паутиной...

Его мозг судорожно пытался уловить нечто общее, какой-то неясный признак, симптом, который сопутствует началу многих болезней и который с недавнего времени объединял всех.

Мысли ворочались медленно. «Если бы я так не уставал, – думал Остап, – если бы так не загнал себя, то уже бы догадался. Нужно выспаться, отдохнуть».

«Отдохнуть... – снова подумал он и внезапно, как молния, в его сознание ворвалась догадка: – Усталые. Они все выглядят усталыми!»

В этой мысли вроде не было ничего необычного, но вместе с тем она ошеломила его. Почему? Ведь не все работают на двух работах, не все спят по пять-шесть часов!

Пока он не мог объяснить этого себе. Но он вдруг остро почувствовал усталость в других, быть может потому, что давно страдал от неё сам. И если его коллег она делала рассеянными, равнодушными и невосприимчивыми к чужой боли, то у него будто бы обнажились нервы.

Он остановился и закрыл глаза.

«Всё изменилось!» – ревела в его сознании чужая незнакомая мысль. «Что изменилось?!» – спрашивал он себя. «Всё. Весь привычный мир изменился. В одну секунду. Незаметно. Неуловимо. Пока незаметно. Пока неуловимо». – «Но почему? Почему?!»

Остапу захотелось всё бросить и сесть за книги, перерыть интернет в поисках ответа на вопрос: что творится в мире?

Но в его старом телефоне не было интернета. И ещё не скоро ему выпадет возможность сходить в библиотеку.

Он шёл, погружённый в тревожные мысли, и не замечал, что над городом в темнеющем небе раз-другой зажглись бледно-лиловые всполохи, прокатились волной по небосводу и погасли.

## Бесчувственная

Нелли как раз подняла голову, когда по небу пробежала ещё одна волна то ли фиолетового, то ли пурпурного цвета. Девочка часто смотрела на небо, как будто там она могла увидеть космическую станцию, на которой работал её отец.

– Какой это цвет? – спросила Нелли у няни, указывая на небо. – Как он правильно называется?

За спиной слышалось тяжёлое дыхание и даже посвистывание.

– Где? – Жанна подняла голову, вытерла пот рукавом спортивной куртки.

– Ты опять всё пропустила...

– Невелика потеря. Не очень-то легко, знаешь ли, толкать тебя в гору. Ты ведь уже не маленькая. Двенадцать годков стукнуло.

Няня навалилась на ручки инвалидной коляски, и Нелли, не оборачиваясь, по скрипу колёс поняла, что они снова поднимаются.

– Ты сама согласилась, Жанна. Сказала, что тебе не мешает тренировка. Я просто предложила сегодня сменить маршрут и прогуляться до колеса обозрения.

– Не очень-то это смахивает на прогулочку, – ответила няня, задыхаясь.

Бывшая штангистка, она любила похвастаться, что прежде поднимала в рывке сто девятнадцать килограммов. При её весе это стало бы новым мировым рекордом – только вот никто не фиксирует рекорды во время обычных

тренировок.

– Почему ты перестала поднимать штангу? – спросила девочка, ожидая очередную историю.

– Потому что у меня теперь есть ты, – недовольно пробурчала няня.

Нелли вздохнула и со скукой уставилась в небо.

– Такое бывает только раз в день.

– Что бывает?

– Странное свечение там, наверху. Очень похоже на северное сияние, только фиолетовое или пурпурное...

– Северное сияние зелёное, – пыхтя, сказала Жанна.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Доброе утро. Опять ищете творожок? (Здесь и далее перевод автора.)

2

Привет, капитан. Если вы позавтракаете моими острыми грибочками, возможно, я попробую творожок.

3

Джи, всё в порядке?

4

Вы чувствуете это, капитан?

5

Что чувствую?

----

Купить: [https://tellnovel.com/volchik\\_pavel/letargiya-ustavshiy-mir](https://tellnovel.com/volchik_pavel/letargiya-ustavshiy-mir)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)